

MÖTLEY CRÜE

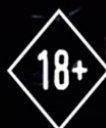
ТОММИ ЛИ, ВИНС НИЛ, МИК МАРС, НИККИ СИКС
ПРИ УЧАСТИИ НИЛА СТРОССА

ГРЯЗЬ

ИСТОРИЯ САМОЙ СКАНДАЛЬНОЙ
РОК-ГРУППЫ В МИРЕ

Music Legends & Idols

Никки Сикс

**Mötley Crüe. Грязь. История самой
скандальной рок-группы в мире**

«Издательство АСТ»

2001

УДК 782/785
ББК 85.318

Сикс Н.

Mötley Crüe. Грязь. История самой скандальной рок-группы в мире
/ Н. Сикс — «Издательство АСТ», 2001 — (Music Legends & Idols)

ISBN 978-5-17-146361-8

Mötley Crüe известны не только как одна из самых влиятельных метал-групп 80-х, но и как иконы мятежа и развязности. В жизни участников было все: от скандальных романов с такими знаменитостями, как Памела Андерсон и Лита Форд, и увлечений оккультизмом до передозировок и отбывания тюремных сроков. Перед вами самый подробный рассказ о свершениях и бесчинствах, щедрых дарах и опасностях славы рок-н-ролла. Эта провокационно написанная книга проведет вас за кулисы поразительного и отвратительного мира Mötley Crüe. Издание содержит множество ранее неопубликованных фотографий, что позволят наиболее полно погрузиться в эпоху 80-х и 90-х годов прошлого века. Вы готовы начать безбашенное приключение с неподражаемыми Mötley Crüe? В книге присутствует нецензурная брань!

УДК 782/785
ББК 85.318

ISBN 978-5-17-146361-8

© Сикс Н., 2001
© Издательство АСТ, 2001

Содержание

Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Часть вторая	15
Глава 1	15
Глава 2	27
Глава 3	29
Глава 4	41
Часть третья	44
Глава 1	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

**Mötley Crüe. Грязь. История самой
скандальной рок-группы в мире /
Томми Ли, Винс Нил, Мик Марс,
Никки Сикс при участии Нила Стросса**

Посвящается нашим женам и детям. Да простят они нас за наши грехи.

«Итак, эту историю будут писать несколько человек – как на судебном процессе выступают несколько свидетелей; цель в обоих случаях одна: изложить правду наиболее точно и обстоятельно».

Уилки Коллинз «Женщина в белом», 1860

LOS ANGELES COUNTY DEPARTMENT OF HEALTH SERVICES
(OFFICE ADDRESS)

OFFICIAL NOTICE OF VIOLATION № 151655
County of Los Angeles Department of Health Services
Preventive/Public Health Environmental Management

DATE March 12, 1982

TO Nicki Sixx, et al ADDRESS _____
SUBJECT garbage ADDRESS same w 205

Remove garbage stored at rear of premises.
Garbage must be stored in water-proof containers.
They must be removed at least once every 7 days

This notice shall be complied with as required by: ☐ State Health and Safety Code, ☐ California Administrative Code, ☒ Los Angeles
County Ordinance No. 7583, ☐ City Ordinance No. _____, Other Code _____

CORRECTION DATE forthwith
RECEIVED BY [Signature] LOS ANGELES COUNTY HEALTH OFFICER
BY Cathy Crain TITLE _____
MAIL SERVICE ☐ FIRST CLASS ☐ REGISTERED (WHITE-VIOLATOR, YELLOW-SANITARIAN, PINK-DISTRICT DIRECTOR)

760208 H-777 (REV. 3/75) 10/79

Часть первая

Дом вверх дном

Глава 1

ВИНС

О нашем первом доме, где Томми застукали со спущенными штанами и «хозяйством» в чьей-то дырке; Никки поджигают, ковер страдает; Винс пускает слюни на наркоту Дэвида Ли Рота; а Мик ошарашенно наблюдает за всем этим с безопасного расстояния.

Мы прозвали ее Бульвинкль¹ из-за того, что она была поразительно похожа на лося. Томми запросто мог заполучить любую девушку на Сансет-стрип, но не желал расставаться с этой лосихой. Он души в ней не чаял и даже планировал жениться, а все потому, что во время оргазма эта дамочка забрызгивала фонтанами сквирта все в радиусе километра.

К сожалению, свою дикую страсть она выплескивала не только через киску. В ход также шла посуда, стулья, занавески – короче, все, что оказывалось под рукой, да и кулаками помахать она любила. До этого момента, а я, на секундочку, жил в Комптоне², мне еще не доводилось встречать такой дичи. Скажешь что-то не так, бросишь косой взгляд, и она впадала в неистовую ярость. Однажды ночью Томми попытался выпроводить ее, заперев дверь на щеколду (замок уже давно не работал из-за постоянных рейдов полиции), а эта безумная лосиха схватила огнетушитель и швырнула его в окно, чтобы пробраться внутрь. Позже той ночью копы вернулись и взяли Томми на мушку, пока мы с Никки прятались в ванной. До сих пор не могу понять, кого мы боялись больше: Бульвинкля или полицейских.

Да, окно мы, кстати, так и не починили. Слишком много возни. Наш дом находился неподалеку от «Whisky A Go-Go», и толпы гуляк после вечеринок стекались к нам через разбитое окно или через дерьмовую входную дверь, которую можно было запереть, только если засунуть картонку под дверной проем. Я делил комнату с Томми, а Никки, этот говнюк, получил в свое распоряжение самую большую комнату. Когда мы только переехали, то договорились меняться, чтобы каждый месяц по очереди наслаждаться отдельной комнатой. Но мы положили на это болт. Слишком много возни.

На дворе стоял 1981-й, и мы были кучкой ребят без гроша в кармане. Не считая коробки с одной тысячей копий нашего семидюймового сингла от менеджера, главным нашим сокровищем был кожаный диван и стереосистема, которую родители Томми подогнали ему на Рождество. Потолок был испещрен маленькими круглыми вмятинами, поскольку каждый раз, когда соседи жаловались на шум, мы в ответ долбили в потолок швабрами и гитарными грифами. Ковер, весь в дырках от окурков, пропитался алкоголем и кровью, а стены почернели от копоти.

Это местечко просто кишело всякими паразитами. Если мы хотели воспользоваться духовкой, нам приходилось добрые десять минут прогревать ее на максимальной мощности, чтобы убить полчища тараканов, которые роились внутри. Мы не могли позволить себе пестициды, так что брали лак для волос, щелкали зажигалкой и сжигали заживо этих ползучих гадов. Разумеется, мы могли купить (или украсть) вещи первой необходимости, такие как лак для волос, потому что без модных начесов ну совершенно нельзя выступать в клубах.

---

¹ Бульвинкль – лось, герой мультсериала «Рокки и Бульвинкль». – Здесь и далее прим. пер.

² Комптон считается одним из самых криминальных городов США.

Кухня была поменьше, чем наш сортир, но такая же зловонная. В холодильнике обычно лежали старый тунец, пиво, болонская колбаса «Оскар Майер», просроченный майонез и, может быть, хот-доги, если это было только начало недели, и мы либо стащили их из винного магазина внизу, либо купили на свободные деньги. Но, как правило, все хот-доги съедал Большой Билл – двухсоткилограммовый байкер и вышибала из «The Troubadour» (который через год скопытился от передозировки кокаина). Мы всегда слишком очковали, чтобы сказать ему, что эти хот-доги были нашей последней едой.

По соседству обитала сердобольная парочка, которая время от времени приносила нам миску спагетти. Когда прижимало конкретно, мы с Никки чисто ради еды встречались с девчонками из продуктовых магазинов. Но выпивку мы всегда покупали на свои бабки. Вопрос чести, знаете ли.

В кухонной раковине кисла наша единственная посуда: два стакана и тарелка, которую мы время от времени споласкивали. Иногда на тарелке оставалось достаточно засохших объедков, чтобы наскрести на полноценный обед, и Томми таким не брезговал. Когда мусорный бак был переполнен, мы открывали маленькую раздвижную дверь на кухне и вытряхивали его содержимое во внутренний дворик. Вообще, дворик задумывался как милое местечко, где можно было поставить мангал и складной стул, но вместо этого там громоздились мешки с банками и бутылками из-под спиртного, да в таком количестве, что нам приходилось сдерживать мусор, чтобы он не хлынул в дом каждый раз, когда мы открывали дверь. Соседи жаловались на вонь и стаи крыс, которые начали там копошиться, но мы не собирались трогать этот мусор, даже после того, как Департамент здравоохранения Лос-Анджелеса появился у нашей двери и обязал нас ликвидировать экологическую катастрофу, которую мы устроили.

Но по сравнению с нашей ванной комнатой кухня была еще ничего. За те полтора года, что мы там жили, мы ни разу не удосужились почистить унитаз. Мы с Томми были еще подрост-

ками и просто не знали, как это делается. В ванной лежали тампоны, оставленные девочками накануне вечером, а раковина и зеркало почернели от краски для волос Никки. Мы не могли позволить себе (или просто ленились) купить туалетную бумагу, поэтому на полу были разбросаны испачканные в дерьме носки, флаеры групп и страницы из журналов. На обратной стороне двери черт знает почему висел плакат Слима Уитмана³.

Дальше по коридору находились две спальни. Перед концертами мы репетировали и поджигали Никки. Бензин для зажигалок всегда стекал по его ногам прямо на ковер, оставляя обугленные пятна.

Наша с Томми спальня находилась налево от прихожей, и там царил свинарник: горы пустых бутылок и грязной одежды. Мы спали прямо на полу, на матрасах, накрытых одной общей простыней, которая однажды была белой, но теперь приобрела оттенок расплющенного таракана. Однако нам казалось, что мы жили на стиле, ведь в комнате был шкаф с зеркальной дверью. БЫЛ, ДА СПЛЫЛ. Однажды вечером Дэвид Ли Рот пришел к нам и уселся на полу с большой кучей дури. Пока он что-то рассказывал, не желая при этом делиться своим сокровищем, дверца шкафа слетела с петель и треснула его по затылку. Дейв остановил свой монолог на полсекунды, а затем продолжил как ни в чем не бывало. Видать, он даже не понял, что произошло, и даже не просыпал ни крупинки своего драгоценного порошка.

В комнате у Никки стоял телевизор, а двери выходили в гостиную. Но он почему-то наглухо заколотил их. Он сидел там на полу и писал «Shout at the Devil», пока все вокруг веселились. Каждый вечер после наших концертов в «Whisky» половина зрителей вваливалась к нам домой. Народ бухал и употреблял все, что удавалось достать: от кокса и героина до метамфетамина, опиоидов и снотворного. Я был единственным, кто тогда «пускал по вене». А все потому, что избалованная, богатая, бисексуальная блондинка-любительница тройничков по имени Лави, которая водила спорткар «Ниссан 280Z», научила меня, как правильно орудовать иглой.

На наши еженощные вечеринки заглядывали участники уцелевших панк-групп, таких как 45 Grave и Circle Jerks, а чуваки из недавних метал-групп, типа Ratt и W.A.S.P., тусовались во дворе и на улице. Девчонки к нам приходили по расписанию. Одна вылезала в окно, пока другая входила в дверь. У нас с Томми было свое собственное окно, а у Никки – свое. Требовалось лишь сказать: «Ой, кто-то пришел. Тебе лучше уйти». И они уходили – хотя порой не дальше комнаты напротив.

К нам повадилась ходить одна неимоверно тучная рыжуха, которая даже не могла пролезть в окно. Но у нее был «Ягуар XJS» – любимая тачка Томми. Больше всего на свете он хотел водить эту машину. Короче, эта девка пообещала ему дать прокатиться на «Ягуаре», если он ее трахнет. В ту ночь мы с Никки пришли домой и застали Томми на полу: он распластал свои тощие ноги, а сверху, словно огромное желе, колыхались обнаженные тела той рыжухи. Мы хладнокровно перешагнули через него, взяли ром и колу и уселись на разложенный диван, чтобы насладиться зрелищем: она напоминала красный жук «Фольксваген», под которым расплющило автомеханика. Как только Томми закончил, он вскочил на ноги, застегнул штаны и глянул на нас.

– Мне пора идти, чуваки, – он гордо поднял голову. – Я щас прокачусь на ее тачке.

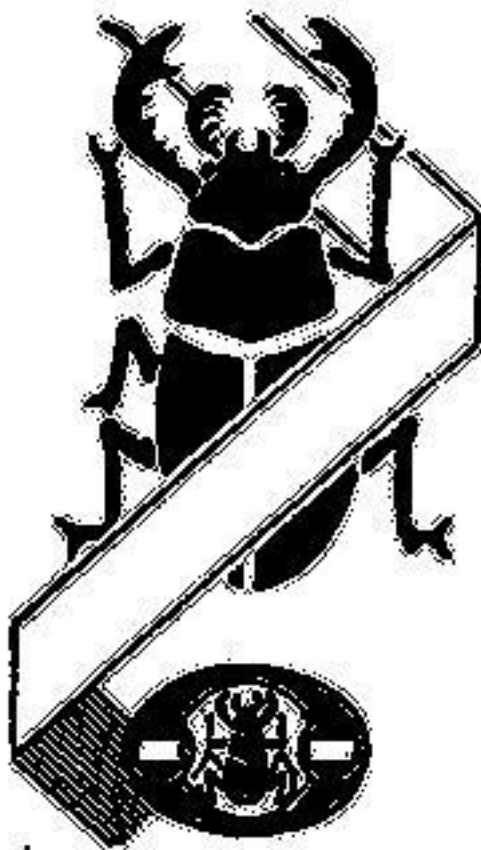
Засим он прошагал к машине через засранную гостиную, через разбитую входную дверь, мимо строительного мусора, ужасно довольный собой. С тех пор мы неоднократно ловили их за этой дьявольской сделкой.

Мы прожили в этом свинарнике столько же, сколько мать вынашивает свое дитя, а потом разбежались, переехав к своим девушкам. Контракт на запись – это все, о чем мы мечтали,

---

³ Слим Уитман (1923–2013) – американский исполнитель кантри- и фолк-музыки, в течение своей длинной карьеры продал более 120 миллионов копий альбомов.

пока жили там. Но по итогу мы получили только выпивку, наркотики, девчонок, грязь и судебные предписания. Мик, который жил со своей девушкой на Манхэттен-Бич, постоянно твердил нам, что таким макаром контракта нам не видать как своих ушей. Сдается мне, что он ошибался. Это место породило Mötley Crüe, и, подобно стае бешеных псов, мы бросили свою суку, отправившись дальше с распухшими от тестостерона яйцами, чтобы породить миллион ублюдочных зародышей метал-групп.

Глава 2

МИК

Взгляд на жилище Mötley со стороны и теория о возможной взаимосвязи между Бульвинклем и внеземными формами жизни.

Я говорил им: «Знаете, в чем ваша проблема? Вы постоянно влипаете в неприятности, а надо делать вот так». Потом я брал рюмку и швырял ее через всю комнату, и никто не понимал, что происходит. Я всегда умел действовать без палева. Меня можно было назвать аутсайдером.

Я жил в местечке на Манхэттен-Бич вместе со своей девушкой. Мне никогда не нравилось зависать в том доме. Я всякого там насмотрелся, так что нет, увольте. Мне уже давно перевалило за двадцать один, а им все еще было восемнадцать. Однажды я приехал туда на Рождество, и они откуда-то сперли маленькую елку и украсили ее банками из-под пива, трусиками, соплями, шприцами и прочим дерьмом. Перед тем как отправиться на концерт в «Country Club», они вытащили елку во двор, облили бензином и подожгли. Им эта выходка казалась очень забавной, а на мой взгляд это было тупо, и глаза слезились от вони. Весь этот пиздец мне быстро надоел. Как же грязно там было. Достаточно провести пальцем по любой поверхности, и он становился черным. Уж лучше я останусь у себя дома, буду бухать и тренькать на гитаре.

Никки встречался с какой-то ведьмой, с которой занимался сексом в сортире или в гробу у нее дома. Томми встречался с... я не помню ее имени, но мы называли ее Бульвинкль. А лось – не самое красивое животное. Она была ебнутой, срывала огнетушители со стен и громила окна, чтобы попасть в дом. Тупая молодая собственница с мозгами набекрень, если уж спросите мое мнение. Разбить окно, рискуя пораниться, – на такую дикость я бы точно не решился. Что творится в голове у таких людей, это выше моего понимания. Много кто верит в существование инопланетян, но я думаю, что мы и есть инопланетяне. Мы – потомки дебоширов с других планет. Земля что-то типа Австралии, куда в свое время Англия ссылала всех своих преступников. Нас кинули здесь. Мы – просто в край охреневшие люди с других планет, кучка отбросов.

Что-то у меня спина побаливает.

Слева направо: Роб Хемфилл и Фрэнк Феранна (также известный как Никки) вместе с друзьями перед школой Рузвельта в Сиэтле

Часть вторая

Приговоренные к свободе

Глава 1

НИККИ

В которой пойдет речь о злоключениях юного Никки: наш герой жестоко избит за то, что чистил зубы в неправильном направлении, изучает тонкости забоя кроликов, использует коробку для ланча в целях самообороны, ходит за ручку с милой сарой хонпер и торгует наркотой.

Мне было четырнадцать, когда я попытался посадить свою мать за решетку.

Она из-за чего-то взъелась на меня, уже и не помню, в чем там дело было: может, я засиживался допоздна, забил на домашнее задание, врубал музыку слишком громко, одевался как бомж. Не суть – главное, что я больше не мог этого терпеть. Я разбил свой бас об стену, швырнул стереосистему через всю комнату, сорвал со стены плакаты MC5 и Blue Cheer и проделал ногой дыру в черно-белом телевизоре, а потом выбежал на улицу, хлопнув дверью. Снаружи я методично обстрелял камнями каждое окно нашего дома.

Но это только начало. Я уже некоторое время планировал, что делать потом. Я побежал в соседний дом, где обитали какие-то дегенераты, с которыми я любил обкуриваться, и попросил нож. Кто-то подкинул мне стилет. Я достал лезвие, вытянул левую руку с браслетом и погрузил нож прямо выше локтя, а затем продвинул его вниз примерно на десять сантиметров: достаточно глубоко, чтобы в некоторых местах показалась кость. Я ничегошеньки не почувствовал. Если честно, я подумал, что это выглядит довольно круто.

Затем я позвонил в полицию и сказал, что на меня напала мать.

Я хотел, чтобы ее упрятали за решетку, и тогда я бы мог спокойно жить один. Но мой план провалился: в полиции сказали, что я несовершеннолетний, и если я выдвину обвинения против опекуна, то меня отправят в детдом до восемнадцати лет. В таком случае я останусь без гитары на четыре года. Не будет гитары – и мне никогда не стать звездой. А я твердо намеревался стать звездой. Уж в этом я точно не сомневался.

Поэтому я заключил с матерью сделку. Я пообещал ей, что откажусь от обвинений, если она оставит меня в покое и позволит мне быть самим собой. «Ты меня никогда не поддерживала, – сказал я ей, – так что просто отстань от меня». И она отстала.

Я больше никогда не возвращался. Я поставил запоздалую точку в наболевшем вопросе моего побега. Все началось, как в классической панк-песне «Blank Generation», когда Ричард Хелл пел: «Я просил: “Выпустите меня отсюда” еще до того, как появился на свет».

Я родился 11 декабря 1958 года в 7:11 утра в Сан-Хосе. Я пришел в этот мир ни свет ни заря и, видать, даже тогда мучился от похмелья после вчерашней ночи. Матери везло с фамилиями примерно так же, как и с мужчинами. Урожденная Диана Хейт с фермы в Айдахо, девушка с искрящимися глазами, остроумная, волевая, целеустремленная и чертовски красивая, как кинозвезда пятидесятых годов, с элегантной короткой стрижкой, ангельским лицом и фигурой, которая заставляла мужчин поворачивать головы ей вслед. Но в семье она была белой вороной, полной противоположностью своей идеальной, изнеженной сестрицы Шэрон. У мамы был дикий неукротимый характер: бесшабашная любительница приключений, для которой «стабильность» – это пустой звук. Не приходилось сомневаться, что именно она была моей матерью.

Она хотела назвать меня то ли Майклом, то ли Расселом, но медсестра сначала спросила моего отца, Фрэнка Карлтона Феранну, который бросит нас через пару лет. Он и глазом не моргнув подложил маме свинью и назвал меня Фрэнком Феранной в честь себя любимого. Так и записали в свидетельстве о рождении. С первого же дня моя жизнь пошла наперекосяк. Наверное, в ту же секунду мне нужно было вползти обратно в утробу и умолять создателя: «Давай начнем все сначала?»

Перед тем как бесповоротно свалить от нас, папаша успел «настругать» сестру, о которой, как и о самом отце, у меня не осталось никаких воспоминаний. Мама всегда говорила мне, что в детстве сестра была вынуждена уехать, и мне не разрешали с ней видеться. Я узнал правду только через тридцать лет. Для моей матери беременность и дети были сигналом о том, что нужно сбавить обороты, и она ненадолго остепенилась, пока не начала встречаться с Ричардом Прайором⁴.

---

⁴ Ричард Прайор (1940–2005) – известный американский комик и актер.

Моему детскому сознанию не были знакомы такие слова, как «отец» и «сестра». Я понятия не имел, что моя семья неполная, поскольку в другом состоянии я ее просто не помнил. Мы жили на девятом этаже клуба «Saint James», известного тогда как «Sunset Towers», на бульваре Сансет. Всякий раз, когда я мешался матери, она отправляла меня жить к бабушке и дедушке, которые постоянно находились в разъездах, живя то на кукурузном поле в Покателло, штат Айдахо, то в каньонах Южной Калифорнии, то на свиноферме в Нью-Мексико. Бабушка и дедушка постоянно грозились взять меня под опеку, если моя мать не прекратит гулять. Но она не могла ни отказаться от меня, ни сбавить обороты. Ситуация изменилась к худшему, когда она присоединилась к группе Фрэнка Синатры в качестве бэк-вокалистки и начала встречаться с басистом Винни. Я постоянно наблюдал за их репетициями, где выступали такие звезды той эпохи, как Митци Гейнор, Каунт Бейси и Нельсон Риддл.

Когда мне было четыре года, она вышла замуж за Винни, и мы переехали на озеро Тахо, которое постепенно превращалось в мини-Лас-Вегас. Я просыпался в шесть утра в нашем маленьком кирпичном домике с диким желанием играть, но в итоге один-единешенек кидал камешки в пруд, пока взрослые спали до двух часов дня. Я знал, что лучше не будить Винни, а не то он может меня ударить. Он всегда был в скверном расположении духа и бросался на меня из-за малейшей мелочи. Однажды днем он принимал ванну и вдруг заметил, что

я чищу зубы не так, как он меня учил: не вверх-вниз, а из стороны в сторону. Он поднялся, голый, волосатый, покрытый капельками, словно горилла, попавшая под ливень, и ударил меня кулаком прямиком в голову, повалив на пол. Тогда моя мама, как обычно, кидалась на него, вся красная от гнева, а я улепетывал к пруду, чтобы спрятаться.

На то Рождество я получил два подарка: пока я играл на улице, к нам домой заглянул отец. Не знаю, была ли то слабая попытка снять груз вины или искренний порыв отцовской любви, ограниченный скромным бюджетом? Он подарил мне пластиковые красные санки с кожаными ручками. Вторым подарком стало рождение моей сводной сестры Сеси.

Мы переехали в Мексику, когда мне было шесть лет. Либо моя мать с Винни заработали достаточно денег, чтобы взять годовой отпуск, либо они от кого-то бежали (скорее всего, от ребят в синей форме). Они никогда не называли мне причину переезда. Я помню только, что моя мама и Сеси прилетели туда, а мне пришлось пересекать границу в «Шевроле» Винни вместе с Белль. Белль была его немецкой овчаркой, которая, как и Винни, постоянно кидалась на меня без всякой причины. Следы укусов еще долго не сходили с моих ног, рук и туловища. По сей день я терпеть не могу немецких овчарок (наверное, это как-то объясняет, почему Винс недавно завел себе овчарку).

В Мексике я провел чуть ли не лучшие дни своего детства: носился голышом вместе с мексиканскими детьми на пляже возле нашего коттеджа, гонял коз и кур, которые важно бродили по району, уплетал севиче⁵, ходил в город за кукурузными початками, приготовленными на огне и завернутыми в фольгу, а в семилетнем возрасте впервые попробовал травку вместе с мамой.

Когда Мексика им надоела, мы вернулись в Айдахо, где бабушка с дедушкой купили мне мой первый фонограф, серую пластмассовую игрушку, которая умела воспроизводить только синглы. Иголка была на крышке: опустишь ее – и зазвучит песня, откроешь – музыка останавливается. Я всегда слушал «Элвина и бурундуков», о чем мне постоянно напоминала мама.

Год спустя мы все погрузились в арендованный трейлер «Ю-Хол» и отправились в Эль-Пасо, штат Техас. Мой дедушка спал в спальном мешке на улице, бабушка – на сиденье, а я свернулся калачиком на полу, как собака. В возрасте восьми лет, еще до того, как стать звездой, меня уже тошнило от «гастролей».

После всех этих путешествий, когда я был обречен на одиночество, дружба стала для меня чем-то вроде телевизора, который включаешь время от времени, чтобы забыться. Всякий раз, когда я оказывался в компании ровесников, я чувствовал себя не в своей тарелке. В школе мне было сложно сосредоточиться. Какой смысл стараться, если через год я уеду и больше никогда не увижу этих учителей и детей?

В Эль-Пасо дедушка работал на заправке «Shell», бабушка жила в трейлере, а я ходил в местную начальную школу, в которой учились жестокие дети. Они толкали меня, обзывались, говорили, что я бегаю как девчонка. Стоило мне появиться на школьной площадке, как меня забрасывали футбольными мячами и обедками. Масла в огонь подлил дедушка: он состриг мои волосы, которые мама всегда разрешала мне отращивать, и сделал мне на голове «ежик» – не самая модная прическа в конце шестидесятых.

Мало-помалу я полюбил Эль-Пасо благодаря одному мексиканскому парнишке-сорванцу по имени Виктор, который жил через дорогу. Мы стали лучшими друзьями и были не разлей вода. Дружба с ним помогла мне забыть о своре ребят, которые ненавидели меня за то, что я был нищим белым калифорнийским отребьем. Но, как только я пообвыкся, пришли неизбежные новости: мы снова переезжаем. Я был опустошен, потому что на этот раз мне пришлось оставить позади друга.

---

⁵ Севиче – блюдо латиноамериканской кухни из морепродуктов.

Мы очутились в самом сердце пустыни, в Энтони, штат Нью-Мексико, поскольку мои бабушка и дедушка решили, что на свиноферме смогут заработать больше денег. Помимо свиней, мы также разводили кур и кроликов. Моя работа заключалась в том, чтобы брать кроликов за задние лапы и с размаху лупить палкой по затылку. Тело кролика билось в моих руках, кровь капала из носа, а я стоял и думал: «Он ведь был моим другом. Я убиваю своих друзей». Но в то же время я знал, что убивать их – это моя роль в семье; это то, что я должен был сделать, чтобы стать мужчиной.

Путь до школы занимал полтора часа издевательств в автобусе по ухабистой дороге. Когда мы приезжали, старшие ребята, которые занимали задние сиденья, валили меня на землю и не давали пошевелиться, пока я не отдавал им деньги за обед. После первых семи раз я поклялся, что это больше никогда не повторится. Но на следующий день все начиналось по новой.

Одним утром я взял с собой металлический ланч-бокс с картинкой «Аполлона-13» и наполнил его камнями. Как только мы подъехали к школе, я выбежал из автобуса, и, как обычно, меня догнали. Но на этот раз я начал размахивать своим орудием, ломая носы, пробивая головы и разбрызгивая кровь, пока мой контейнер для обедов не развалился при столкновении с физиономией одного из этих маленьких ублюдков.

Они больше не приставали ко мне, и я ощутил свою силу. Вместо того чтобы съеживаться при виде старших ребят, я думал про себя: «Только попробуйте ко мне лезть, я вас живо отмуздаю». Так я и поступал: если кто-то наезжал на меня, я самозабвенно мутузил его. Я был психом, и все стали держаться от меня подальше. Теперь я развлекался не тем, что бросал камушки в воду, а начал ходить по грунтовым дорогам с пневматическим пистолетом, отстреливая все живое и неживое. Моим единственным другом была старушка, которая жила совершенно одна посреди пустыни в трейлере неподалеку. Она сидела на своем выцветшем диване с цветочным орнаментом и пила водку, пока я кормил золотых рыбок.

ATTENDANCE

DAYS ATTENDED	30	28				
DAYS ABSENT	0	2				
TIMES LATE	0	0				
HEIGHT	48					
WEIGHT	125					

Social Development

+ Indicates Commendable Improvement
✓ Indicates Need for Improvement

 IS CONSCIOUS	 RESPECTS SCHOOL AND SCHOOL PROPERTY	 RESPECTS SCHOOL EMPLOYEES
 HAS SELF CONTROL	 COMPLETES WORK	 FOLLOWS DIRECTIONS
 WORKS NEATLY	 WORKS INDEPENDENTLY	 WORKS AND PLAYS WELL WITH OTHERS
 IS NEAT AND CLEAN	 PRACTICES SAFETY RULES	 PUTS FORTH BEST EFFORTS

Copyright © Acuity Press, Inc., Houston, Tex.

SUBJECT DEVELOPMENT MARKING KEY

S—Strong Progress   I—Improving
N—Normal Development   U—Unsatisfactory

LANGUAGE ARTS					
READING	Understands what he reads	N	N		
	Reads with understanding	N	N		
	Understands reading skills	N	N		
	Uses library materials	N	N		
LANGUAGE					
	Speaks fluently and correctly	N	N		
	Expresses ideas clearly and correctly in writing	N	N		
WRITING					
	Is motivated to complete his work	N	N		
	Can spell words needed in written work	N	N		
HANDWRITING					
	Writes neatly and legibly	N	N		
ARITHMETIC					
	Knows number facts and skills	N	N		
	Can solve written problems	N	N		
	Is accurate	N	N		
SOCIAL LIVING					
GEOGRAPHY					
	Knows people live and work in various parts of the world	N	N		
	Uses maps, globes and other reference material	N	N		
HISTORY					
	The story of man's past and its influence on his present and future	N	N		
SCIENCE					
	Maps biology in the natural world	N	N		
CREATIVE ARTS					
MUSIC					
	Enjoys and appreciates music	S	S		
	Participates in music activities	S	S		
ART					
	Shows originality	N	N		
	Is learning basic art skills	N	N		
HEALTH					
	Physical education	N	N		

READING LEVEL (Use 1/2 only)

	REPORT PERIOD				
	1	2	3	4	5
1st Reader					
2nd Reader					
3rd Reader					

	REPORT PERIOD				
	1	2	3	4	5
1st Reader					
2nd Reader					
3rd Reader					

Дневник с оценками Никки за шестой класс, Энтони, Нью-Мексико, школа Гадсен

Отец Никки – Фрэнк Феранна

Прожив в Энтони год, мои бабушка и дедушка решили, что свиньи – это не путь к богатству. Когда они сказали мне, что мы переезжаем обратно в Эль-Пасо – в один квартал от нашего старого дома, – я был в восторге. Я снова увижусь с моим другом Виктором.

Но я уже не был прежним – я превратился в злого и жестокого пацана, а Виктор нашел новых друзей. По пути в ненавистную мне школу Гадсен приходилось как минимум дважды в день проходить мимо его дома, и каждый раз я ощущал, как внутри меня нарастает одиночество. Затем мой путь лежал через школьный двор, где жестокие дети закидывали спортивным инвентарем. Я начал воровать книги и одежду из чужих шкафчиков, из вредности заходил в магазин «Piggly Wiggly», воровал конфеты и засовывал игрушечные машинки «Hot Wheels» в десятицентовые пакетики с попкорном, надеясь, что кто-нибудь ими подавится. На Рождество мой дедушка продал несколько своих самых ценных вещей, включая радио и костюм, чтобы купить мне нож, и я позабыл о том, чтобы его подарок не лежал без дела, – ножиком я прокалывал шины автомобилей. Мечь, ненависть к себе и скука проложили мне путь к подростковой преступности. И я решил пройти по нему до самого конца.

В конце концов бабушка с дедушкой переехали обратно в Айдахо, на кукурузное поле площадью двадцать четыре гектара в Твин-Фолс. Мы жили рядом с силосной ямой, куда сбрасывали лишнюю шелуху и отходы, оставшиеся после уборки урожая. Потом это добро смешивали с химикатами, накрывали полиэтиленом и оставляли гнить в земле, пока куча не становилась достаточно зловонной, чтобы ее можно было скормить коровам. В то лето я жил как Гекльберри Финн – рыбачил в ручье, гулял вдоль железной дороги, расплющивал монетки под поездами и строил крепости из стогов сена.

По вечерам я носился по дому, воображая, будто еду на мотоцикле, а потом запирался в своей комнате и слушал радио. Однажды вечером диджей включил «Big Bad John» Джимми Дина, и я потерял голову. Эта песня, словно острый клинок, исполосовала в клочья мою скуку.

Крутецкая песня, у нее был стиль и характер. «Наконец-то, – подумал я. – Это то, что я искал». Я так часто названивал на станцию, чтобы попросить поставить «Big Bad John», что диджей начал меня узнавать и велел прекратить хулиганить.

С началом учебного года все было точь-в-точь как в Энтони. Дети издевались надо мной, вынуждая меня пустить в ход кулаки. Они высмеивали мои волосы, лицо, обувь, одежду – все во мне было не так. Я чувствовал себя пазлом, в котором не хватает какого-то кусочка, и я не мог понять, что это за кусочек и где его искать. Поскольку насилие было единственным, что мало-мальски давало мне ощущение власти над другими людьми, я решил записаться в футбольную команду, где стал лучшим игроком. Я играл и в нападении, и в защите, но преуспел в роли защитника, где мог просто уничтожать квотербеков⁶. Мне нравилось причинять боль этим ублюдкам. Говорю же, я был психом. На поле я был таким диким, что снимал шлем и начинал лупить им других детей, как своим ланч-боксом «Аполлон-13» в Энтони. Мой дедушка до сих пор говорит мне: «Ты играешь рок-н-ролл в точности как в футбол».

Футбол принес мне уважение, а футбол и уважение – женское внимание. Девчонки начали замечать меня, а я – их. Но стоило мне наконец-то найти свою нишу, как бабушка с дедушкой переехали в Джером, штат Айдахо, и мне пришлось начинать все сначала. Но на этот раз кое-что было по-другому: благодаря Джимми Дину я обрел музыку. Я слушал радио по десять часов в день: Deer Purple, Bachman-Turner Overdrive, Pink Floyd. Однако первой пластинкой, которую я купил, был альбом *Nilsson Schmilsson* Гарри Нильссона. У меня просто не было выбора. У одного из моих первых друзей, деревенщины по имени Пит, была сестра, загорелая белокурая красотка из маленького городка. Она ходила в коротких джинсовых шортиках, которые вызывали у меня дикую смесь желания и паники. Ее ноги были для меня золотыми сводами, и каждую ночь я лежал в постели и думал только о том, как хорошо я бы вписался между них. Я следовал за ней по пятам, словно пьяный клоун, запинаясь о собственные башмаки. Она тусовалась в производственной аптеке, ларьке с содовой и в музыкальном магазине. Именно там она улыбнулась мне белоснежной улыбкой, и я вдруг понял, что вместо альбома Deer Purple *Fireball*, на который копил, моя рука тянется к *Nilsson Schmilsson*, потому что она упомянула о нем.

Городок Джером толкнул меня на скользкую дорожку, которая спустя многие годы привела меня к Анонимным Алкоголикам. Кстати, по невероятному совпадению в Алкоголиках я познакомился и подружился с Гарри Нильссоном (на самом деле, в бредовом состоянии трезвости мы и впрямь говорили о совместной работе над альбомом). В Джероме был самый высокий уровень наркомании на душу населения среди всех городов США, что поистине впечатляюще для городка с населением в три тысячи человек.

Еще я подружился с одним придурком по имени Аллан Уикс, и мы проводили большую часть времени у него дома. Слушали Black Sabbath и Bread и разглядывали школьный альбом, обсуждая, с какими девчонками хотели бы встречаться. Конечно, когда дело доходило до действий, мы были жалкими. На школьных танцах мы просто стояли снаружи, слушали музыку, которая доносилась из-за двери, и чувствовали себя неловко, когда мимо проходили девушки, потому что до чертиков боялись танцевать с ними.

Той весной мы купили билеты на концерт одной местной группы, которая собиралась выступать в нашей школе. Басист носил огромное афро и повязку на голове, как у Джими Хендрикса, а у гитариста были длинные волосы и байкерские усы, как у Ангела Ада. Ну и круто же они выглядели: играли на настоящих инструментах через здоровенные усилители, и они покорили сердца школьников Джерома. Тогда я впервые увидел рок-группу живьем и был потрясен (хотя сами музыканты, скорее всего, проклинали того, кто организовал их выступление в дерьмовой средней школе захолустного городка). Я не помню, как они назывались, как звучали,

---

⁶ Квотербек – главный нападающий в американском футболе.

играли ли они кавер-версии песен или свой материал. Они выглядели как боги – это все, что осталось у меня в памяти.

Я был слишком стремным, чтобы позариться на сестру Пита, поэтому выбрал Сару Хоппер: веснушчатую толстушку в очках, без соблазнительных шортиков и с ногами, которые больше походили на рогалики из кондитерской, чем на золотые арки. Мы с Сарой гуляли за ручку по центру Джерома, который состоял примерно из одного городского квартала. Потом мы шли в магазин, сто раз просматривали одни и те же пластинки. Иногда, чтобы произвести на нее впечатление, я выносил альбомом The Beatles, спрятанный под рубашкой, и мы слушали его в чистеньком доме, где жили ее религиозные родители-протестанты.

Однажды вечером я валялся на зеленом ковре у бабушки и дедушки, когда зазвонил их черный бакелитовый телефон, которым пользовались так редко, что рядом с ним не было ни стула, ни стола – он просто висел на стене. «Я хочу сделать тебе подарок», – слышался на другом конце голос Сары.

– Ну и что это? – спросил я.

– Я намекну тебе, – ворковала она в трубку. – В. J.⁷

– Что-что?

– Я сейчас нянчусь с ребенком. Просто приходи.

Пока я шел к ней, я обдумывал, что могла означать аббревиатура В. J. Пластика Билли Джоэла, фигурка младенца Иисуса, большой косяк? Придя, я застал ее в красном нижнем белье, которое висело на ней мешком и, по всей видимости, принадлежало ее маме.

– Хочешь пройти в спальню? – спросила она, прислонившись локтем к стене и положив руку на голову.

– Зачем? – задал я идиотский вопрос.

Итак, пока в соседней комнате играли дети, я впервые занялся сексом и обнаружил, что это похоже на мастурбацию, но гораздо более трудоемко.

Сара не позволила мне так легко отделаться. Ей постоянно хотелось этого: когда ее родители пекли для нас печенье, я трахал их дочь в другой комнате. Пока ее родители были в церкви, мы с Сарой занимались этим в автомобиле. Так продолжалось до тех пор, пока меня не постигло внезапное озарение, которое приходит хотя бы раз в жизни каждому мужчине: я трахаю самую страшную девушку в городе. Почему бы не поднять планку?

Поэтому я бросил Сару Хоппер и заодно прекратил общаться с Алланом Уиксом. Мне было абсолютно насрать на их чувства, потому что впервые я набрался смелости и поверил, что могу подняться выше уровня плинтуса. Я начал тусоваться с крутыми ребятами, такими как трехсоткилограммовый мексиканец по имени Бубба Смит. Я начал трахаться и употреблять алкоголь и наркотики. Мне казалось, что это делало меня крутым, особенно в свете ультрафиолетовых ламп, которые я купил в свою спальню. Народная мудрость гласит: если в спальне у вашего подростка появляется ультрафиолет, то ребенок больше вам не принадлежит. Он принадлежит своим друзьям. Прощай шоколадное печенье и The Beatles, здравствуй травка и Iron Maiden.

Мне пока что было далеко до самых крутых ребят из Джерома. У них были машины, у нас – велосипеды, на которых мы катались по парку и терроризировали целующиеся парочки. Я приходил домой поздно, обкурившись травкой, и смотрел музыкальное шоу «Рок-концерт Дона Киршнера». Если бабушка с дедушкой пытались хоть как-то меня образумить, я моментально выходил из себя. Им стало слишком тяжело справляться с этим каждый вечер, поэтому они отправили меня жить к маме. Мама вместе с моей сводной сестрой Сеси переехала в район Квин-Энн Хилл в Сиэтле, где они жили с ее новым мужем Рамоном, большим добряком-мек-

---

⁷ Имеется в виду минет (англ. blow job).

сиканцем с зачесанными назад черными волосами, который разъезжал в тачке с заниженной подвеской.

Наконец-то город, который буквально кишит отморозками и дегенератами, город достаточно большой, чтобы удовлетворить мою неудержимую жажду наркотиков, алкоголя и музыки. Рамон слушал El Chicano, Чака Манджони, Sly and the Family Stone и все виды испаноязычного джаза и фанка. В перерывах между курением косячков он пытался научить меня играть эту музыку на побитой расстроенной акустической гитаре без одной струны.

Разумеется, вскоре мы переехали. На этот раз в район под названием Форт Блисс – кучка маленьких четырехквартирных домишек для малоимущих. В первый день в новой школе одноклассники, вместо того чтобы поколотить меня, спросили, играю ли я в группе. Я сказал, что играю.

Мне приходилось добираться до школы на двух автобусах, и, чтобы как-то скоротать полчаса до второго автобуса, я заходил в магазин музыкальных инструментов под названием «West Music». Там на стене висела красивая гитара Les Paul с золотистой декой, у которой был чистый, богатый тембр. Играя на ней, я представлял, как зажигаю на сцене вместе со Stooges, выдаю визжащие гитарные соло, пока Игги Поп бьется в конвульсиях у микрофонной стойки, а зрители кричат в экстазе, точь-в-точь как в школьном спортзале в Джероме. В школе я подружился с рокером по имени Рик Ван Зант, длинноволосым укурком, который играл в группе и держал у себя в подвале гитару Stratocaster и усилитель Marshall. Он сказал, что ему нужен басист, но у меня даже не было инструмента.

Поэтому однажды я пришел в «West Music» с пустым гитарным кейсом, который мне одолжил один из друзей Рика. Я попросил заявление на работу и, когда парень отошел за бланком, быстренько сунул гитару в футляр. Мое сердце готово было выпрыгнуть из груди, а зубы начали дорожать, как на лютном морозе, когда мне протянули бланк. Читая бланк, я заметил, что ценник гитары торчал из кейса. Я сказал, что занесу заявление попозже, и попытался уйти как можно более непринужденно, попутно ударяясь заветным кейсом о все стены, двери и барабанные установки, что встречались на пути.

В общем, я раздобыл свою первую гитару и был готов устроить расколбас, поэтому направился напрямик в подвал Рика.

– Тебе был нужен басист, – сказал я ему. – Я к твоим услугам.

– Тебе нужна бас-гитара, – усмехнулся он.

– Прекрасно, – ответил я, бросив футляр на стол, затем открыл его и вытащил свою добычу.

– Это обычная гитара, ты, идиота кусок.

– Я знаю, – соврал я. – Я буду играть на ней, как на басу.

– Ты не можешь этого сделать!

Пришлось распрощаться со своей первой гитарой и продать ее, а на вырученные деньги купить блестящий черный бас Rickenbacker с белой накладкой. Каждый день я пытался учить песни Stooges, Sparks (особенно «This Town Ain't Big Enough for Both Of Us») и Aerosmith. Я очень хотел присоединиться к группе Рика, но они не хуже меня знали, что я ни черта не умею. Кроме того, они были больше увлечены традиционным роком с крутыми риффами в духе Ричи Блэкмора, Cream и Элиса Купера (особенно *Muscle of Love*). Парень, который жил через дорогу от Рика, сколотил группу Mary Jane's, и я попробовал играть с ним, но был безнадёжен. Все, на что меня хватало, – это дергать струну каждые тридцать секунд, надеясь, что я взял правильную ноту.

Но однажды, пытаясь проскользнуть на шоу для взрослых, я встретил парня по имени Гейлорд, панк-рокера, у которого была своя квартира и группа под названием Vidiots. Каждый день после школы я приходил к нему домой и напивался до потери сознания, слушая New York

Dolls, MC5 и Blue Cheer. Там всегда была дюжина гламурных девчонок и парней, ну вылитые New York Dolls, с накрашенными ногтями и глазами. Нас с Гейлордом прозвали «живчиками», но не потому, что мы горстями жрали амфетамин (разумеется, мы и это делали), а потому что мы ярко и модно одевались, прям как Дэвид Боуи, чей альбом *Young Americans* только-только вышел. Как и стилиаги в Англии, мы продавали наркотики, чтобы купить одежду. Я практически поселился у Гейлорда и перестал ходить домой. Наркотики я употреблял без остановки – гашиш, мескалин, кислоту, мет – и вскоре стал самым настоящим панк-живчиком-наркоторговцем.

Я нашел себе подружку по имени Мэри. Все называли ее Лошадиной головой, но она нравилась мне по одной простой причине: она меня искренне любила. Я был безумно счастлив просто от того, что со мной вот так запросто тусуется девчонка. После нескольких недель в ритме наркотиков и рок-н-ролла я стал крутым, но еще недостаточно крутым. Я красил ногти на руках и на ногах, носил рваную панковскую одежду, делал макияж и всюду таскал бас-гитару, хотя все еще не умел играть и не был в группе.

Я выделялся и становился мишенью для насмешек везде, куда бы ни шел. В школе я ввязывался в драки, потому что черные ребята обзывали меня Элисом Боуи и не давали спокойно пройти. По дороге домой из школы я начал проверять замки на домах. Я стучал в дверь, и если два дня подряд никто не отвечал, то на следующий день я вламывался в заднюю дверь и хватал все, что мог спрятать под курткой. Домой я возвращался со стерео, телевизорами, лавовыми лампами, фотоальбомами, вибраторами – короче, хватал все, что попадалось под руку. В нашем жилом комплексе я обшаривал подвалы и ломом вскрывал стиральные машины в общественной прачечной в поисках четвертаков. Я все время злился – отчасти из-за наркотиков, которые бьют по настроению, отчасти обижался на мать, а отчасти в этом был дух панк-рока.

Почти ежедневно я продавал наркотики, воровал всякое дерьмо, дрался и принимал кислоту. Я приходил домой, включал «Рок-концерт Дона Киршнера» и отключался на диване. Мать не понимала, что со мной происходит. Был ли я геем? Натуралом? Серийным убийцей? Художником? Мальчиком? Мужчиной? Инопланетянином? Да что, черт возьми, я такое? По правде говоря, я сам был без понятия.

Стоило мне переступить порог дома, как начинались ссоры. Ей не нравилось, во что превращается ее сын, а мне не нравилось, какой она была всегда. Потом в один прекрасный день мое терпение лопнуло. На улицах я был свободным и независимым, но дома со мной обращались как с дитем. Я больше не желал быть ребенком. Я хотел, чтобы меня оставили в покое. Поэтому я разгромил дом, порезал себя и вызвал полицию. В принципе, это сработало, потому что после этого я обрел свободу.

Ту ночь я провел у своего друга Роба Хемфилла, фанатика Aerosmith, который воображал себя Стивеном Тайлером. Он считал, что Тайлер истинный панк, которому Мик Джаггер в подметки не годится. Когда его родители меня выгнали, я спал в тачке Рика Ван Занта. Я пытался вставать раньше его родителей, но обычно они находили меня спящим на заднем сиденье, когда ехали на работу. Застукав меня в третий раз, они позвонили моей маме.

– Что не так с вашим сыном? – спросил мистер Ван Зант. – Он дрыхнет в моей машине.

– Он сам по себе, – сказала моя мать и повесила трубку.

По возможности я ходил в школу. Там я делал неплохие деньги. В перерывах между уроками я скручивал косяки для детей, всего пятьдесят центов за пару. После двух месяцев хорошего бизнеса директор школы застукал меня с пакетом травы. В тот же день меня исключили. За одиннадцать лет я успел побывать в семи школах и был сыт этим по горло. Вылетев из школы, я проводил дни под мостом на 22-й улице, где убивали время остальные отбросы общества. Я очутился на дне.

Я устроился посудомойщиком в ресторан «Victoria Station» и снимал однокомнатную квартиру с семьей друзьями, которые, как и я, бросили школу. Я стирал еще один бас, а жратву добывал у мусорных баков: караулил там в ожидании момента, когда официанты выкинут мясные объедки. Я стремительно погружался в депрессию: всего год назад я был готов покорить мир, а теперь вся моя жизнь шла под откос. Встречая старых друзей – Рика Ван Занта, Роба Хемфилла или Лошадиную голову, – я чувствовал себя монстром, будто вылез из канализации и запачкал их.

Работать мне больше не хотелось, так что я уволился. Когда я уже не мог позволить себе снимать жилье, я переехал к двум проституткам, которые пожалели меня и приютили. Я жил в их чулане, повесив на стены плакаты *Get Your Wings* Aerosmith и *Come Taste the Band* Deep Purple, чтобы чувствовать себя как дома. У меня не было ни гроша за душой. Однажды мои шлюхомамочки исчезли. Хозяин дома выгнал их, тем самым вынудив меня вернуться в машину Ван Зантов. Неумолимо надвигалась зима, и по ночам начало холодать.

Чтобы хоть как-то заработать, я начал барыжить мескалином в шоколаде на концертах. На концерте Rolling Stones в сиэттлском спорткомплексе «Colyseus» ко мне подошел веснушчатый паренек и сказал: «Давай меняться: я тебе косяк, ты мне мескалин». Я согласился, потому что мескалин был дешевым, но стоило нам провернуть сделку, как из ближайшей машины выскочили двое полицейских и надели на меня наручники. Парень оказался копом под прикрытием. Пока я брыкался и матерился, меня отволокли в подсобку «Colyseus».

Хрен знает почему, но они не стали меня оформлять. Просто записали мои данные, пригрозив мне минимум десятью годами тюрьмы, а затем отпустили. Напоследок они меня припугнули, пообещав, что если еще хотя бы раз меня увидят, то без колебаний посадят за решетку, даже если я не сделаю ничего плохого. Я чувствовал, что моя жизнь летит в трубу: мне негде жить, некому доверять, и после всего этого я даже не сыграл ни в одной группе. Честно говоря, музыкантом я был никудышным. Всего за несколько недель до этого я продал свою единственную бас-гитару, чтобы разжиться наркотиками для сбыта.

Итак, я решился на самый отчаянный шаг, который может позволить себе панк-рокер, опустившийся на самое дно, – позвонил мамочке.

– Я хочу уехать из Сиэтла, – умолял я свою мать. – И мне нужна твоя помощь.

– С какой стати я должна тебе помогать? – холодно спросила она.

– Я просто хочу повидаться с бабушкой и дедушкой, – взмолился я.

На следующий день за мной заехала мать, чтобы посадить на междугородний автобус. Не думаю, что она горела желанием увидеть меня снова – скорее, недостаточно доверяла мне, чтобы просто дать денег на поездку. Разумеется, она не преминула напомнить мне, что она настоящая великомученица, раз помогает такому эгоистичному придурку, как я. И насрать, ведь единственное, о чем я мог думать: «Дааа! Я уезжаю отсюда подобра-поздорову и никогда больше не вернусь».

Все, что у меня оставалось, – это кассета Aerosmith, Lynyrd Skynyrd и побитый бумбокс. Я слушал эти кассеты снова и снова, пока не приехал в Джером. Я вышел из автобуса на высоких платформах, в сером твидовом двубортном костюме, с копной лохматых волос и крашеными ногтями. При виде меня лицо бабушки побледнело.

Вдали от Сиэтла и матери я не доставлял никаких хлопот: работал на ферме, до конца лета перекладывая оросительные трубы. Я скопил достаточно денег, чтобы купить гитару, подделку Gibson Les Paul, которую продавали в оружейном магазине за сто девять долларов.

Пару раз на ферму приезжала моя педантичная тетя Шэрон вместе со своим новым мужем по имени Дон Циммерман. Он оказался руководителем звукозаписывающей компании в Лос-Анджелесе, а точнее – президентом «Capitol Records», родины The Beatles и Sweet. Дядя Дон начал присылать мне кассеты и рок-журналы. Однажды, после получения его последней посылки, меня ошарашила мысль: я слушал Питера Фрэмптона в гребаном Айдахо, в то время

как в Лос-Анджелесе Runaways⁸, Ким Фоули⁹, Родни Бингенхаймер¹⁰ и другие чуваки из журнала «Creem» отрывались в самых хипповых рок-клубах, какие только можно представить. А я застрял в захолустье, и весь движ проходил мимо меня.

---

⁸ The Runaways – одна из первых женских рок-групп, оказали заметное влияние на жанр.

⁹ Ким Фоули (1939–2015) – американский певец, продюсер и менеджер (в том числе основатель рок-группы The Runaways). Его называют одним из самых «красочных персонажей в истории рок-н-ролла».

¹⁰ Родни Бингенхаймер (род. 1947) – радио-диджей, который впервые открыл для аудитории США многие рок-группы, тем самым помогая им добиться известности.

Глава 2

МИК

О судьбоносной встрече Мика с дерзким продавцом выпивки.

В «The Stone Pony» рюмка текилы стоила два бакса, но платить я не собирался. В тот вечер мы пили за счет заведения, ведь на сцене клуба выступала наша группа. Изначально они назывались Ten Wheel Drive, но я поставил условие: хотите, чтобы я к вам присоединился, – меняйте название. Теперь мы стали Spiders and Cowboys, что по десятибалльной шкале крутых названий тянуло на 4,9 балла.

Я прошелся по бульвару Бербанк в Северном Голливуде и хотел заглянуть в магазин «Magnolia Liquor», чтобы купить полпинты дешевой текилы. На улице было холодно, как в жопе у снеговика. Во время прогулки я задумчиво смотрел себе под ноги, размышляя о том, как привить Spiders and Cowboys любовь к хорошей музыке. Не для того я всю жизнь учился играть на гитаре, пренебрегая детьми, семьей и учебой, чтобы в итоге закончить в рок-группе, которая играет в стиле сатерн-рок.

Когда я вошел в магазин, парень за прилавком усмехнулся: «Да ты похож на рок-н-рольщика». Я не мог понять, комплимент это или издевка. Я поднял глаза и увидел парня с дикими крашеными черными волосами, небрежным макияжем и в кожаных штанах. Кажется, я сказал ему, что он тоже похож на рок-н-рольщика.

Я всегда в поиске людей, с которыми можно поиграть, поэтому решил задать ему пару вопросов и посмотреть, есть ли у этого парня потенциал.

Он только что переехал сюда и жил со своими тетей и дядей. Последний был большой шишкой в «Capitol Records» или что-то в этом роде. Мальца звали Фрэнк, он играл на бас-гитаре и казался вполне нормальным парнем. Но потом он ляпнул, что слушает Aerosmith и Kiss, а я терпеть не могу Kiss. Они мне никогда не нравились. Я тут же вычеркнул его из кандидатов на сотрудничество. Мне была по душе хорошая музыка в стиле Джеффа Бека и Paul Butterfield Blues Band.

– Слушай, – сказал я парню. – Если хочешь увидеть настоящего гитариста, загляни после работы в «The Stone Pony».

Он был заносчивым типом, и я не надеялся, что он придет. Кроме того, на вид ему было лет семнадцать, и вряд ли его даже пропустили бы внутрь. По правде говоря, я совсем забыл про этого паренька, пока не заметил его во время выступления. Я играл на слайд-гитаре с помо-

щью микрофонной стойки, выделял всяческие безумные финты, от которых у этого чувака просто отвисла челюсть до самого пола, так что кто-нибудь мог ненароком наступить на нее.

После концерта мы выпили и судачили о всяком дерьме, как и полагается людям, перебравшим текилы. Я дал ему свой номер телефона. Не знаю, звонил ли он, потому что я уехал на Аляску, чтобы дать несколько концертов. Черт с ним, ведь ему нравились Kiss.

Глава 3 НИККИ

Дальнейшие приключения юного Никки, драка с одноруким противником, море секса, кража пианино, поиск группы, ноздри в порошке и другие весьма увлекательные истории.

Дядя Дон взял меня под свое крыло.

Он разрешил мне водить его небесно-голубой пикап «Форд F10» со здоровенными колесами; он устроил меня на работу в музыкальный магазин «Music Plus», где менеджер пудрил нам носы кокаином; он брал меня в торговый центр и купил мне брюки клеш и модную обувь «Капецио»¹¹; он принес для меня постеры Sweet, которыми я оклеил свою комнату. Новая музыка мощным потоком хлестала из всех щелей – X, The Dils, The Germs, The Controllers. Лос-Анджелес – то, что я искал, и я был без ума от этого города.

Не прошло и нескольких месяцев, как я опять все испортил и стал бездомным и безработным.

В доме дяди я чувствовал себя как панк, которого запихнули в семейное телешоу. Его семейка вела размеренную правильную жизнь в идеальном маленьком доме с идеальным маленьким бассейном. Дети катались на велосипедах, пока мама не звала их на ужин. Они снимали обувь, вытирали ноги, мыли руки, произносили молитву и клали салфеточки на колени. Есть два типа людей: для одних жизнь – это война, для других жизнь – это игра. Но эта семья не принадлежала ни к тем, ни к другим. Они предпочитали сидеть в сторонке и наблюдать с безопасного расстояния.

Для меня жизнь была войной: раздражение сочилось из каждой поры моего тела. Я носил облегающие красные брюки со шнуровкой спереди, ботинки «Капецио» и делал макияж. Я терпел неудачу всякий раз, когда пытался вписаться в общество. Однажды мой двоюродный брат Рикки в компании друзей гонял мяч по двору. Я хотел присоединиться к ним, но у меня ничего не получалось: я не помнил, как правильно бить по мячу, пасовать или стоять в воротах. Я все время подначивал их сделать что-нибудь веселое, например раздобыть выпивку, убежать из дома, ограбить банк – да что угодно. Я хотел обсудить с кем-нибудь, почему у Брайана Коннолли из Sweet челка завивается внутрь, но желающих не нашлось. Они просто тарасились на меня, как на инопланетянина.

Затем Рикки спросил:

– Ты что, красишься?

---

¹¹ «Капецио» (англ. «Capezio») – популярный американский бренд танцевальной обуви. Его носят такие звезды шоу-бизнеса, как Мик Джаггер, Лайза Минелли, Мадонна, Джастин Тимберлейк и др.

– Да, – сказал я ему.

– Мужики не красятся, – сказал он твердо, как будто это закон, и его друзья единогласно поддержали его.

– Там, откуда я родом, красятся, – сказал я, развернулся на своих высоких каблуках и убежал.

Проходя мимо магазина одежды в торговом центре, я засматривался на девушек с прическами, как у Фэрры Фосетт. «Где же ты, моя Нэнси?» – вот и все, о чем я мог думать. Я был Сидом Вишесом, который отчаянно искал свою Нэнси Спанджен.

В конце концов я перестал обращать внимание на двоюродных братьев. Я сидел в своей комнате и играл на бас-гитаре через старый усилитель размером в полстены, который предназначался для стереосистемы, а не для бас-гитары. Когда я садился за стол, то не желал приятного аппетита и не читал молитву. Я донимал Дона вульгарными расспросами: «Расскажи мне о Sweet, чувак! Эти парни плотно сидят на наркоте?» Потом уходил в клубы и возвращался домой, когда мне заблагорассудится. Если мне пытались навязывать правила, я слал эту семейку куда подальше. Я был высокомерным, неблагодарным маленьким говнюком. Неудивительно, что они выгнали меня, и я ушел, в ярости хлопнув дверью. Я был зол на них так же, как и на свою мать, и снова оказался один-одинешенек, обвиняя всех вокруг, кроме себя.

Неподалеку от Мелроуз-авеню я нашел двухкомнатную квартиру и уговорил хозяйку впустить меня без уплаты залога. Я и цента ей не заплатил в течение восемнадцати месяцев, хотя мне удалось немного продержаться на работе в «Music Plus». Этот магазин был просто раем: кокаин, травка и неиссякаемый поток горячих цыпочек. Возле кассы я повесил табличку «Бас-гитарист ищет группу». Люди подходили и спрашивали: «Кто этот басист?» Узнав, что это я, они охотно рассказывали мне о прослушиваниях и приглашали на концерты.

Одним из этих парней был рок-певец и парикмахер (это всегда плохое сочетание) Рон, который искал жилье. Я разрешил ему перекантоваться у меня. У него была куча подружек, и вскоре у нас образовалась своя маленькая тусовка. В «Music Plus» я познакомился с девушкой из Долины Лас-Вегаса по имени Алия, и мы все вместе нюхали слоновий транквилизатор каннабидиол, пили пиво и тусовались в рок-клубе под названием «Starwood». Потом мы возвращались в мою бетонную коробку, трахались и слушали альбом *Runt* Тодда Рандгрена. У меня было столько бесплатных наркотиков, пластинок и секса, сколько я мог пожелать. А еще я купил машину, «Плимут» 1949 года за сто долларов. Ну и дерьмовая же тачка. Когда я забирал Алию от ее предков, мне приходилось ехать в гору задним ходом, потому что иначе двигатель просто не справлялся.

А потом меня уволили из «Music Plus». Менеджер обвинил меня в краже денег из кассы, а я послал его на хуй.

– Сам иди на хуй! – крикнул он в ответ.

И тут я с катушек слетел: начал лупить его по лицу и животу с криками «Хули ты мне сделаешь?».

Он и впрямь мало что мог мне сделать: в конце концов, у него была только одна рука.

Самое ужасное, что он прав: я **правда** тырил деньги из кассы. Я был пацаном с взрывным характером, который не любил, когда его отчитывали, даже если был не прав.

Я нашел новую работу: устроился продавцом пылесосов «Кирби» по телефону, но не смог заключить ни одной сделки. Один из продавцов рассказал мне о работенке по чистке ковров, туда брали всех, у кого есть автомобиль. Я согласился с единственным намерением – приходить к людям домой, ставить отпариватель перед спальней, чтобы не пускать хозяев в комнату, а самому шариться по аптечкам в поисках веществ. За дополнительные деньги я брал бутылку с водой и говорил людям, что это чудо-спрей и я могу обработать им ковры, чтобы к ним не приставала грязь. Я объяснял, что стоимость услуги – триста пятьдесят долларов за обра-

ботку всего дома, но, дескать, поскольку я бедный студент, который совмещает учебу и колледж, я сделаю это за сотню, если они заплатят мне наличными и сохранят все в тайне. В итоге я ходил по дому, распыляя воду и воруя все, чего хозяева не хватятся в течение нескольких дней.

Я начал зарабатывать хорошие деньги, но все еще не платил за квартиру. Жилой комплекс был похож на бомж-версию какой-то мыльной оперы. По соседству жила молодая пара, и во времена их ссор я трахал жену, пока муж не возвращался. Потом я скорешился с ее мужем, и мы решили барыжить транквилизаторами, потому что в том месяце они были в моде. В итоге я, наверное, проглотил столько же, сколько и продал.

В то же время я начал собирать первую группу вместе с Роном и его друзьями: девчонкой по имени Рекс, которая пела и пьянствовала, как Дженис Джоплин, и ее парнем Блейком, или как там его звали. Мы называли себя Rex Blade и смотрелись просто прекрасно. Белые брюки со шнуровкой спереди и сзади, обтягивающие черные майки и грязные волосы, как у Лейфа Гарретта, но с той поправкой, если бы у него на неделю отключили воду. Мы репетировали в офисном здании, а по соседству тем же самым занималась панк-группа Mau Maus. К сожалению, выглядели мы куда лучше, чем звучали. Оглядываясь назад, можно сказать, что существование Rex Blade оправдывали две вещи: это был хороший повод принимать наркотики, и это давало мне право говорить девушкам, что я играю в группе.

Как обычно, эта светлая полоса моей жизни быстро закончилась из-за моего дерьмового характера. Все в моей жизни было настолько краткосрочным и переходящим, что любая маломальская стабильность вызывала во мне панику, заставляя очертя голову бежать по пути саморазрушения. Меня выгнали из Rex Blade за классическую ошибку молодой рок-группы. Эту ошибку делали многие до меня и будут совершать до окончания времен. В общем, такое случается, когда ты только-только начинаешь писать песни. Твои мысли кажутся тебе очень важными, но твое уникальное видение может не совпадать с видением других. Ты слишком самоулюблен, чтобы понять, что единственный способ стать лучше – научиться слышать других. Эта проблема усугублялась моим упрямством и непостоянством. На месте ребят я бы тоже вышвырнул себя из группы вместе с моими трехаккордовыми песенками, которые я считал шедеврами.

Через несколько дней ко мне постучалась полиция и вышвырнула меня на улицу. После полутора лет неуплаты за квартиру меня наконец-то выселили. Я переехал в гараж за сто долларов в месяц, который нашел по объявлению. Я спал на полу без обогревателя и мебели. Стереосистема и зеркало – вот все, что у меня было.

Каждое утро я закидывался спидами и ехал на смену с шести утра до шести вечера на завод в Вудленд-Хиллз, где мы окунали компьютерные платы в какой-то ужасно ядовитый раствор, который мог запросто разьесть тебе руку. После целого дня работы, игры в понт и потасовок с мексиканцами (что совсем не похоже на те забавы, которым я позже предавался с моим полумексиканским-полублондинистым солистом) я ехал прямо в алкогольный магазин «Magnolia Liquor» на бульваре Бербанк и работал там с семи вечера до двух ночи. Перед уходом я брал столько выпивки, сколько мог незаметно унести в носках, и час ехал до своего гаража. Напившись, я вставал перед зеркалом, распускал густые черные волосы, кривил рот в усмешке, вешал гитару на шею и играл рок, стараясь выглядеть как Джонни Тандерс из New York Dolls, пока не терял сознание от усталости и алкоголя. Потом я просыпался, закидывал в себя еще горсть таблеток, и все начиналось по новой.

Это было частью моего плана: я собирался работать до упада, пока не заработаю достаточно денег, чтобы купить оборудование, необходимое для создания группы. И эта группа либо станет дико успешной, либо привлечет толпы богатых цыпочек. В любом случае после этого я больше никогда не собирался работать. Для дополнительного дохода я разработал небольшую схему: каждый раз, когда у меня покупали спиртное, я пробивал на чеке лишь половину стои-

мости товара. Другую половину суммы я записывал на листке бумаги и прятал его в карман. Закрывая магазин в конце смены, я подсчитывал выручку с учетом моих махинаций и становился на восемьдесят баксов богаче. Моя «бухгалтерия» никогда не ошибалась больше чем на доллар: я твердо усвоил урок из «Music Plus».

Однажды вечером, когда я был под кайфом от спидов и алкоголя, в «Magnolia Liquor» зашел сутулый рокер с черными волосами. Он выглядел как жуткая версия Джонни Тандерса, поэтому я спросил, занимается ли он музыкой. На мой вопрос он утвердительно кивнул.

– Что слушаешь? – спросил я.

– The Paul Butterfield Blues Band и Джеффа Бека, – ответил он. – А ты?

Я был разочарован, что при такой брутальной внешности у этого горбуна такой отстойный и предсказуемый вкус. Я перечислил список крутой музыки, которая мне нравилась – The Dolls, Aerosmith, MC5, Nugent, Kiss, – а он лишь наградил меня презрительным взглядом.

– А, – сказал он сухо, – мне по душе настоящие музыканты.

– Да пошел ты, мужик, – отмахнулся я, мелкий пафосный говнюк.

– Да пошел-ка ты сам, – сказал он, не со злостью, а твердо и уверенно, будто знал, что скоро я возьму свои слова обратно.

– Убирайся вон из моего магазина, придурок.

Я сделал вид, что собираюсь перепрыгнуть через прилавок и надрать его фанатеющую от Джеффа Бека задницу.

– Если хочешь увидеть настоящего гитариста, приходи на мой вечерний концерт. Я играю неподалеку.

– Вали отсюда. У меня есть дела поважнее.

Но, разумеется, я пришел посмотреть на него. Может быть, я ненавидел его музыкальные предпочтения, но его характер пришелся мне по вкусу.

Той ночью я украл пинту «Джека Дениелса», засунул ее в свой носок и напился возле бара. Зайдя внутрь, я увидел, как этот Квазимодо, разодетый в кожу, играет на гитаре, используя микрофонную стойку в качестве слайда. Он водил ею по грифу вверх-вниз с невероятной скоростью и яростно выбивал дерьмо из гитары, словно застукал ее в постели с другим музыкантом. Я никогда в жизни не видел, чтобы кто-то *так* играл на гитаре. Самое грустное, что он впустую тратил талант с этой группой, которая напоминала плохую пародию на Allman Brothers. После концерта мы с ним выпили. Я был поражен его игрой и решил, что прощу ему его дерьмовый музыкальный вкус. После этого мы еще несколько раз разговаривали по телефону, но потом я потерял его из вида.

Я менял группы как перчатки. Я начал ходить на прослушивания, которые находил в газете объявлений «The Recycler». Денек играл с какой-нибудь группой, а затем никогда больше не появлялся. Дошло до того, что я оставлял свой бас в багажнике машины, когда приезжал знакомиться с очередной группой. Если у них не было нужного вайба – а это случалось почти всегда, ведь чаще всего все они были фанатами Lynyrd Skynyrd, а я тащился по Джонни Тандерсу, – я говорил им, что мне нужно ненадолго сбегать в машину за оборудованием, а потом уезжал восвояси.

Но моя настойчивость окупилась: я откликнулся на объявление группы под названием «Сады», или «Сады душ», или «Висячие сады», или «Повешенная душа». Это была группа мрачноватых парней с длинными черными волосами, которые более-менее смахивали на меня. Однако они играли ужасный психоделический джем-рок в духе The Doors, и я ушел. Но я продолжал видеться с гитаристом группы по имени Лиззи Грей в клубе «Starwood».

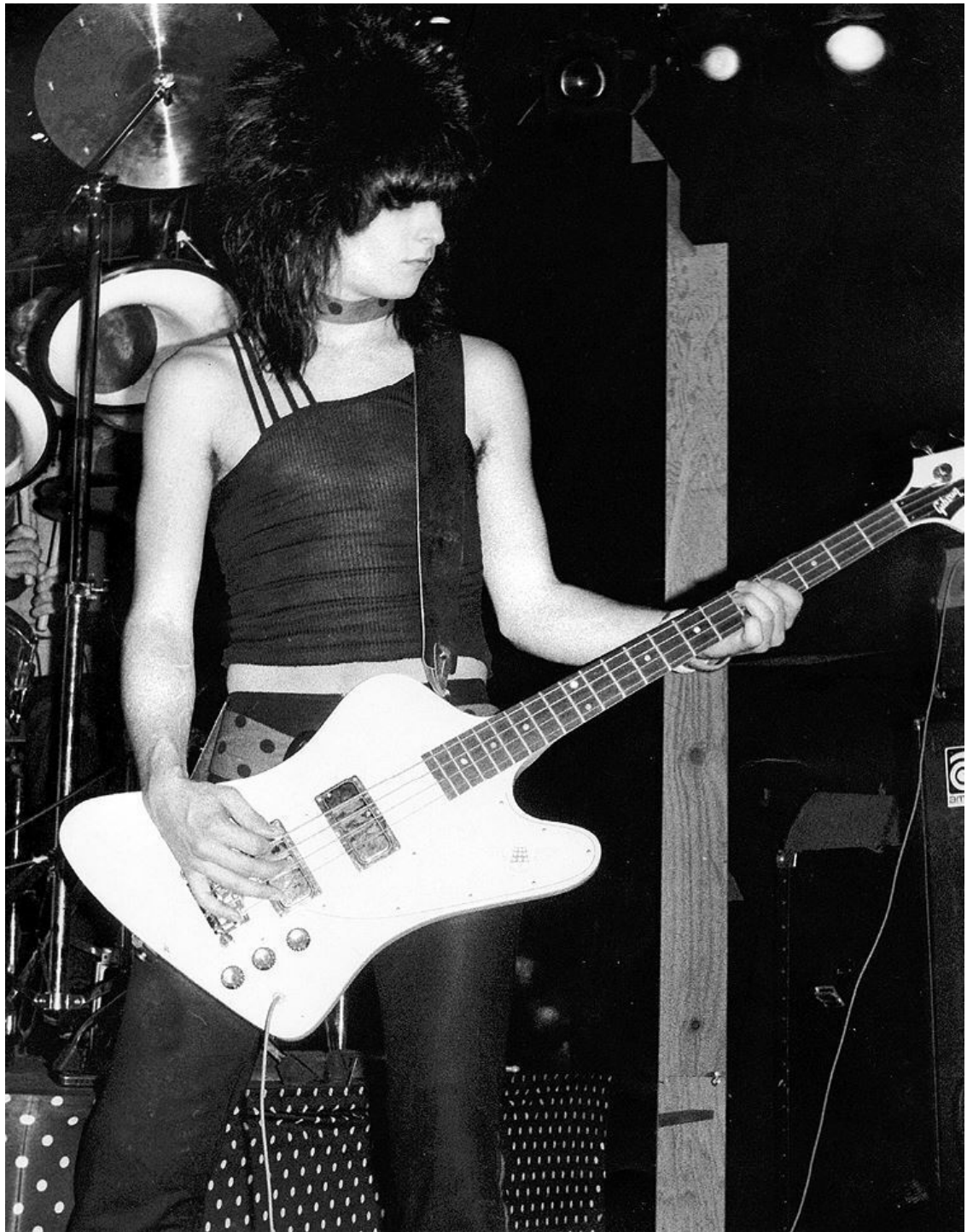
Длинные вьющиеся волосы, топик и туфли на высоких каблуках делали его похожим на помесь Элиса Купера с гремучей змеей. Он был либо самой красивой женщиной, либо самым уродливым мужчиной, которого я когда-либо видел, за исключением разве что Тайни

Тима¹². Вскоре мы узнали, что оба тащимся по Cheap Trick, Slade, The Dolls, старым Kiss и Элису Куперу, особенно по его альбому *Love it to Death*.

Именно через Лиззи я нашел свою первую группу в Голливуде. Один здоровенный страшила по имени Блэки Лоулесс пригласил Лиззи в группу под названием Sister, в которую также входил осатаневший гитарист Крис Холмс. Я уже видел Блэки в местечке «Rainbow Bar and Grill»: великан с длинными черными волосами, в черных кожаных штанах и с черной подводкой для глаз. Он стоял мрачной глыбой посреди зала, испуская зловещую ауру плохиша, из-за которой девчонки сами бросались к его ногам. Каким-то образом Лиззи уговорил Блэки позволить мне играть на бас-гитаре в Sister, тем самым сделав меня частью жуткой и опасной группы. Мы репетировали на Гоуэр-стрит в Голливуде, там же, где репетировали Dogs.

---

¹² Тайни Тим (1932–1996) – американский музыкант, певец, обладавший экстравагантным видом и необычной манерой исполнения.

Блэки был потрясающим автором песен, и, несмотря на его замкнутость и холодность, мне было в кайф с ним болтать, ведь он любил производить впечатление не только музыкой, но и внешним видом. Он мог жрать червей и рисовать пентаграммы на сцене – что угодно, лишь бы вызвать реакцию у аудитории. Мы записывали в студии такие песни, как «Mr. Cool», а потом часами сидели и обсуждали наш будущий сценический образ или скрытый смысл его песен. Но для Блэки, как и для меня, жизнь была войной, и он всегда стремился быть генералом. Остальным же требовалось исполнять роль хороших солдат и не более того. Поэтому мы вскоре начали постоянно бодаться, пока не расшибли лбы в кровь. Ему, как генералу группы, не оставалось ничего другого, кроме как уволить меня со службы. Вскоре он выгнал Лиззи, и мы вдвоем решили сколотить свою группу.

К тому времени я опять был на мели. Меня уволили из алкогольного магазина и с фабрики за то, что я прогуливал работу ради репетиций. Я нашел работу в музыкальном магазине «Wherehouse Music» на углу Сансет и Вестерн, где мог появляться, когда мне вздумается. Когда с деньгами становилось совсем туго, я сдавал кровь в клинике на Сансет, чтобы оплатить счета. Одним утром я познакомился с девушкой по имени Энджи Саксон в автобусе по пути в «Wherehouse Music». Вообще, женщины меня интересовали лишь как источник удовольствия, а в остальном они только мешались под ногами. Но Энджи была другой: она была певицей, и мы могли говорить о музыке.

Не считая Энджи и Лиззи, у меня больше не было друзей, которые могли бы продержаться со мной дольше недели и кому я бы со спокойной душой мог доверять. Из-за постоянного голодания и употребления наркоты мне часто казалось, будто у меня нет тела, что я какой-то дрожащий клубок нервов. Однажды, когда мне было особенно паршиво, я решил разыскать отца. Я убеждал себя, что звоню ему только потому, что мне нужны деньги – деньги, которые он мне задолжал за все те годы, что я рос без него. Но сейчас мне кажется, что я хотел ощутить родственную связь, поговорить с ним и, чем черт не шутит, узнать корни моего безумия. Я позвонил бабушке, потом маме, и они сказали мне, что в последний раз он работал в Сан-Хосе, штат Калифорния. Я позвонил в справочную, попросил найти Фрэнка Феранну, и вуаля. Я выписал номер, осушил полбутылки виски, чтобы набраться смелости, и набрал его.

FRANKLIN CARLTON FERANNA
IN PERSONA
Address: 3012 LETAUNDE ST.
LOS ANGELES, CA.
90026
Telephone: (213) 662-9047

LOS ANGELES COUNTY CLERK
CENTRAL DISTRICT
ENTERED Nov 28 '80 7673 278

FILED
NOV 7 1980
JOHN J. CONDRAL, COUNTY CLERK
BY S. NOTARDE, Deputy

SUPERIOR COURT OF THE STATE OF CALIFORNIA
FOR THE COUNTY OF LOS ANGELES

In the Matter of the Application of
FRANKLIN CARLTON FERANNA
for Change of Name

No. C 510460
DECREE CHANGING NAME

The application of **FRANKLIN CARLTON FERANNA**
for an Order of Court changing **HIS** name to **NIKKI SIXX**
In place of **HIS** present name, came on regularly to be heard in Department **1-A** of the
above-entitled Court, this **7th day of Nov 1980**, and proof having been made to the satisfaction of
the Court that notice of hearing was given in the manner and form required by law and order of this Court, and no
objections having been filed by any person, and evidence having been produced on behalf of petitioner in
support of said application, and the Court being satisfied that there is no reasonable objection to the peti-
tioner assuming the name proposed; and
it appearing to the satisfaction of the court that all the allegations of said application are true and that the
order prayed for should be granted;

IT IS THEREFORE ORDERED, ADJUDGED AND DECREED that petitioner **FRANKLIN CARLTON FERANNA**
is hereby changed to **NIKKI SIXX** be and the same

The Clerk is ordered to enter this decree.
Dated: **NOV 7 1980**

[Signature]
Judge of the Superior Court

THE LOS ANGELES DAILY JOURNAL
Established 1881
210 South Spring St., Los Angeles, Ca 90012
P.O. Box 54026, Los Angeles, Ca 90054
Telephone (213) 625-2141

JOURNAL OF COMMERCE-REVIEW
Established 1917
210 South Spring St., Los Angeles, Ca 900
P.O. Box 54026, Los Angeles, Ca 9005
Telephone (213) 625-2111

THE DOCUMENT TO WHICH THIS CERTIFICATE IS AT-
TACHED IS A TRUE AND CORRECT COPY OF THE
ORIGINAL ON FILE AND OF RECORD IN MY OFFICE.
ATTEST: **DEC 9 1980**
John J. Condrall, County Clerk and Clerk of the
Superior Court of California,
County of Los Angeles.
By *[Signature]* Deputy

Свидетельство о смене имени Никки Сикса

На первом же гудке он взял трубку. Когда я сказал, кто я такой, его голос огрубел.

– У меня нет сына, – сказал он мне. – У меня нет сына. Я не знаю, кто ты такой.

– Иди к черту! – закричал я.

– Никогда больше сюда не звони, – рявкнул он в ответ и повесил трубку.

Это был последний раз, когда я слышал его голос.

Я проплакал много часов подряд, вытаскивал пластинки из конвертов и швырял их об стены, наблюдая, как они разлетаются на кусочки. Я хватал осколки винила и скреб ими вверх-вниз и крест-накрест по рукам, оставляя на них узоры из капелек крови. Я чудом заснул в ту злополучную ночь. Утром я проснулся как ни в чем не бывало и твердо решил поменять свое имя. Я не хотел до конца жизни тащить мертвым грузом фамилию этого человека. Как ему хватило наглости сказать, что я не его сын, когда он даже не был мне отцом? Сначала я убил Фрэнка Феранну-младшего в песне «On with the Show», написав: «Фрэнки умер буквально прошлой ночью / Некоторые говорят, что это было самоубийство / Но мы-то знаем / Что произошло на самом деле». А затем я переделал то же самое на юридическом уровне.

Я вспомнил, что Энджи часто болтала о своем старом парне из Индианы по имени Никки Сикс. Он играл в кавер-группе, которая исполнила шлягеры из хит-парада 40 лучших песен с радио. Затем этот Никки Сикс примкнул к серф-панк группе под названием John and the Nightriders. Мне нравилось его имя, но не мог же я просто его присвоить. Поэтому я решил назвать себя Никки Найн. Но все говорили, что это звучит слишком панково, а панки были тогда слишком попсовыми. Мне нужно было что-то более рок-н-рольное, и Сикс идеально ложилось. Поэтому я справедливо рассудил, что серфер, который играет панк-рок, не достоин такого крутого имени, и вскоре подал заявление на официальное изменение своего имени на Никки Сикс. Я словно украл его душу, потому что в течение многих лет ко мне подходили люди и говорили: «Никки, чувак, помнишь, мы виделись в Индиане?» Я отвечал им, что никогда не был в Индиане, а они такие: «Да ладно, чувак, я видел тебя с John and the Nightriders».

Годы спустя, во время тура в поддержку *Girls, Girls, Girls*, я переключал ТВ-каналы в гостиничном номере и увидел одного бледнокожего чудака с длинными волосами, у которого брали интервью. Услышав слова: «Он – дьявол!», я остановился, чтобы посмотреть. Этим психом, который разглагольствовал и бредил, оказался тот самый чувак: «Он взял мое имя, вынул мою душу и продал ее вам всем – это я был настоящим Никки Сиксом. И он использует мое имя, чтобы распространять слово Сатаны». Никки Сикс стал примерным христианином по имени Джон. Это вполне логично, ведь Джон (Иоанн) – святой из Нового Завета, который рассказывает об Апокалипсисе.

Энджи убедила меня переехать к кучке музыкантов за цветочным магазином напротив Голливудской средней школы. В том доме, куда ни плюнь, обязательно попадешь в потенциальную рок-звезду: эти чуваки спали в ванне, на ступеньках, за диванными подушками. И как-то раз один из них умудрился сжечь это место дотла. Я вернулся из музыкального магазина и увидел толпу любопытных старшеклассников вокруг тлеющих останков моего жилища. С басом наперевес – я всегда брал его с собой, чтобы никто не спер, – я побежал внутрь, чтобы посмотреть, смогу ли спасти что-нибудь из своих пожитков. Я заметил, что там все еще стоит пианино, которое взял в аренду один парень, уехавший из города к родителям. Я выкатил пианино наружу, потом за угол и прямо до музыкального магазина на Хайленд-авеню, где продал его за сто долларов.

London: по часовой стрелке слева Джон Ст. Джон, Дейн Рейдж, Найджел Бенджамин, Никки Сикс, Лиззи Грей

Энджи разрешила мне переехать к ней в Бичвуд-Каньон, где я целыми днями слушал ее пластинки и красил волосы в разные цвета, пока она пахала секретаршей и зарабатывала для нас деньги. Я уже и думать забыл о пианино, пока шесть месяцев спустя ко мне не заявились двое полицейских, разыскивающих подозреваемого в краже пианино по имени Фрэнк Феранна. Я сказал, что не знаю никого с таким именем.

В перерывах между нашими с Лиззи попытками собрать группу я ездил с Энджи в Редондо-Бич, где она репетировала со своей группой. Я ненавидел их, потому что они фанатели от Rush, у них было много гитарных педалей, они болтали о гитарных приемниках и, что самое вопиющее, у них были выющиеся волосы. Если и есть какая-то генетическая особенность, которая автоматом делает человека непригодным для рока, так это кудрявые волосы. Быть кудрявым и притом клевым – вещи несовместимые. Вы видели кудрявых людей? Это Ричард Симмонс, ТВ-фитнес-тренер в клоунском прикиде, тот чувак из сериала «Величайший американский герой» и вокалист поп-группы REO Speedwagon. Исключения тоже есть, и это Иэн Хантер из Mott the Hoople, чьи волосы скорее спутаны, чем выются, и Слэш, но у него пушистая шевелюра, а это выглядит круто.

Если говорить про женщин, то у них кудри заменяются косоглазием – эта генетическая особенность гарантирует, что мы не поладим. очередным подтверждением этому стала косоглазая соседка Энджи. Однажды ночью я напился и попытался забраться к ней в постель, а на следующий день она растрезвонила об этом Энджи. Я пытался убедить Энджи, что перепутал кровати, но она слишком хорошо меня знала и выставила за порог. Я переехал в голливудские трущобы, кишачие наркотиками и проститутками, изо всех сил пытаюсь сохранить крышу над головой и собрать свою группу с Лиззи.

Мы нашли барабанщика по имени Дейн Рейдж, великана с бронзовым загаром, который носил собачий ошейник; клавишника по имени Джон Сент-Джон, который с концерта на концерт таскал огромный орган Hammond B3; и певца по имени Майкл Уайт, чей миг славы заключался в том, что однажды он записал что-то для трибьют-альбома Led Zeppelin. Уж это должно было стать для меня тревожным звоночком, что этот тип нам не подходит. Плюс у него были кудрявые волосы. И он малехо косил на один глаз.

Мы шастали по Голливуду на высоких каблуках, вырядившись в облегающие топики и все в таком духе, чтобы шокировать фанатов Rush и динозавров-поклонников Led Zeppelin. Это был 1979 год, и, согласно последним новостям, рок-н-ролл умер. Мы были Mott the Hoople, New York Dolls, Sex Pistols; мы воплощали все то, что больше никому не нравилось. В нашем пьяном воображении мы были самой крутой группой на свете, и наша уверенность (и алкоголизм) привлекала фанатичных поклонниц уже после нескольких концертов в «Starwood». Мы называли себя London, но на самом деле мы были Mötley Crüe до Mötley Crüe.

Всю малину портил наш вокалист Майкл Уайт. Он боготворил все, что я презирал. Если мне нравились The Rolling Stones, то ему – The Beatles. Если мне нравилось арахисовое масло без комочков, ему подавай с комочками. Короче, мы уволили его за кудрявые волосы, дали объявление в «The Recycler» и нашли Найджела Бенджамина, который в нашем понимании был воплощением настоящей звезды рок-н-ролла. Во-первых, у него были прямые волосы, а во-вторых, что важнее всего, он играл в группе Mott the Hoople на замену Иэна Хантера. Он писал отличные тексты и, стоя у микрофона, был так, что уши закладывало. Он реально умел петь, как никто из тех, с кем мне доводилось играть в группе. Короче, у нас был безумный клавишник со своим Hammond, барабанщик, у которого была здоровущая барабанная установка North, и вокалист-британец. Круче просто некуда.

Я так воодушевился, что позвонил своему дяде в «Capitol» и потребовал:

– Хочу поговорить с Брайаном Коннолли из Sweet!

– Что?! – недоверчиво переспросил он.

– У меня есть потрясающая группа, и я хочу послать ему несколько фотографий.

Я отправил Коннолли фотографии, и тот в качестве одолжения моему дяде согласился поговорить со мной по телефону на следующей неделе. Я провел весь день дома, мысленно прокручивая в голове свою речь. Я брал трубку, начинал набирать номер, а затем бросал ее.

Наконец я набрался смелости. Как только он взял трубку, я выпалил свой спич о London, о том, что мы на пути к невероятному успеху и что нам пригодятся его советы, поддержка, да и вообще любые его дельные мысли. Может быть, когда-нибудь мы сможем гастролировать вместе.

– Ты закончил, приятель? – спросил он.

Я замолк.

– Я получил твои фотографии и музыку, – продолжил он. – Вижу, куда ты метишь, но не могу тебе помочь.

– Чувак, я думаю, что мы станем самой известной группой в Лос-Анджелесе, и мне кажется, что для нас было бы хорошо...

Он прервал меня:

– Да-да, я уже слышал это раньше, приятель. Я бы посоветовал тебе найти нормальную работу. Такая музыка никогда не станет популярной.

Я был опустошен. В мгновение ока он из кумира превратился в моего злейшего врага: циничная рок-звезда, которая восседает на троне из дерьма в своем особняке в Лондоне.

– Мне жаль, что ты так считаешь, – сказал я и повесил трубку. Я еще полчаса паялся на телефон, не зная, смеяться или плакать.

В конце концов этот случай лишь сильнее замотивировал меня на успех – я готов был сделать все, чтобы заставить Брайана Коннолли пожалеть о том роковом дне, когда он усомнился

во мне. Нашим менеджером стал Дэвид Форест, эпатажный любитель вечеринок, который заправлял клубом «Starwood» вместе с Эдди Нэшем. Последний позже был замешан в бойне на Уондерленд-авеню (мутная история, когда Джон Холмс, порнозвезда и друг Эдди Нэша, был вовлечен в убийство четырех человек в доме наркодилера в Лорел-Каньон). Форест, будучи воплощением щедрости, дал мне и нашему барабанщику Дейну Рейджу работу в клубе: вечером мы выступали, а днем занимались уборкой и мелким ремонтом. Получалось так, что ночью London зажигали на сцене, разбрасывали конфетти и устраивали беспорядок, а на следующий день мы получали деньги за то, что приводили все в божеский вид.

Именно благодаря Дэвиду Форесту мне удалось соприкоснуться с тем моральным разложением, которое принес на клубную сцену Лос-Анджелеса дикий коктейль из диско и рока. Я сидел в одной комнате с Форестом и такими знаменитостями, как фотомodelь «Плейбоя» Биби Бьюэлл и ее парень – музыкант Тодд Рундгрэн. Эти звезды подпитывали мой впечатлительный неокрепший ум рассказами о передозировке Стивена Тайлера и о том, как Мику Джаггеру проломили голову за кулисами, пока его подружки лежали рядом в отключке от наркотиков. Еще я видел, как зажигают местные герои, такие как звездный радиоведущий Родни Бингенхаймер и Ким Фоули. У меня было столько бесплатного рома и колы, сколько я мог пожелать, плюс я открыл для себя такие наркотики, о существовании которых едва догадывался раньше. Я говорю о *настоящих* наркотиках.

Я был молод, красив и обладал пышной шевелюрой. Я стоял, прислонившись к стене «Starwood», в туфлях на шпильках и в суперобтягивающих брюках. Мой нос гордо задран, глаза ничего не видят из-за густой челки. Насколько я мог судить, у меня все получилось. Я дрых до тех пор, пока не вынужден был вставать и шевелиться, чтобы заработать денег. Например, я занимался продажами по телефону, впаривал всякий хлам, обивая пороги, или работал в «Starwood». Ночью я шел в «Starwood», пил, дрался и трахался в туалете. Черт, я и правда считал, что встал в один ряд со своими героями: Джонни Тандерсом и Игги Попом.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, насколько же наивным был. Тогда не было ни самолетов, ни переполненных стадионов, ни особняков, ни «Феррари». Не было передозировок и оргий с засовыванием гитарных грифов в задницы телок. Я был просто дерзким мальчишкой, который, как и многие другие до и после него, думал, что набухший член и ноздри в «мук» означают, что он король мира.

Глава 4

МИК

Ценный урок о том, что внешность бывает обманчива, даже если речь идет о прыщах в форме расплющенной фрикадельки.

Я привык во всем сомневаться и сам делать выводы. Мои умозаключения имеют такую же ценность, как мысли физиков-ядерщиков или других людей. Кто сказал, что нужно верить во что-то только потому, что ты вычитал об этом в книге или увидел фотографии? Кто решает, что есть истина? Когда толпа людей начинает верить в одно и то же, они становятся роботами. У нас есть голова на плечах: мы сами можем разобраться, что к чему. Например, как летает НЛО.

В пятидесятые, когда я учился в начальной школе в разгар холодной войны, нас учили прятаться под столом. Нам говорили, мол, если упадет водородная бомба, все, что нужно сделать, – это залезть под парту и закрыть голову руками. Сегодня сама мысль о том, что парта защитит тебя от радиации и расщепления на атомы, кажется смехотворной, но в то время это было логичным для якобы умных и осведомленных людей, которых мы называли учителями. Помню, как я написал на тетради большими буквами «ПРИГНИСЬ И ПРЯЧЬСЯ», взял их в кавычки и поставил гигантский вопросительный знак. Какой долбоебизм. Та черепаха из мультика¹³ – полная туфта.

Я с детства хранил стопки тетрадок и записок. Со временем многое из того, что я записал, оказалось правдой. В 1976 году моя кавер-группа White Horse хромала на все ноги и была готова к тому, чтобы ее пристрелили. Мы репетировали в гостиной дома, где жили, когда вошел басист и сказал: «Ну, это определенно пестрая группа» (Well, this certainly is a motley-looking crew). После репетиции я поднялся к себе в комнату и записал эти слова в блокноте – *Motley crew*, а затем ниже, большими буквами, MOTTLEY CRU – и поклялся себе, что у меня кровь из носу будет группа под названием Mottley Cru. Я хотел, чтобы White Horse, которые на самом деле были хорошей группой, начали играть оригинальный материал и стали Mottley Cru. «Почему бы нам самим не написать чего-нибудь? Все равно мы голодаем», – предложил я им. В ответ они проголосовали за мой уход из группы.

Я свалил от них, прихватив акустическую систему, свет и фургон. Затем я поместил объявление в газете «The Recycler», которое гласило: «Внеземной гитарист к услугам других инопланетян, которые хотят завоевать Землю». В то время я называл себя Зоркий Шарлемань. В газете я тоже подписался этим прозвищем и получил несколько очень странных телефонных звонков от каких-то психов. В конце концов я попал в кавер-группу под названием Vendetta, где заработал достаточно денег, чтобы купить усилитель Marshall и гитару Les Paul. Я купил еще один Marshall и Les Paul, когда вернулся из тура по Аляске, и разместил очередное объявление в «The Recycler». Как правило, люди начинают свои объявления с буквы «А» (типа «Амбициозный гитарист ищет группу»), просто чтобы оказаться в начале списка. Мне было все равно, поскольку я знал, что мое объявление обязательно выстрелит, где бы ни находилось. Итак, вот его текст: «Громкий, грубый и агрессивный гитарист открыт предложениям».

На объявление откликнулся парень из группы Sparks, ну тот, что с усами Гитлера. Но я честно сказал ему, что мне не нравится его музыка и я только зря потрачу наше время, если пойду на прослушивание. Думаю, он меня зауважал за такую прямоту. Еще мне позвонила какая-то стремная группа из Редондо-Бич под названием очень в духе восьмидесятых:

---

¹³ Имеется в виду мультфильм 1950-х годов, который показывал детям, как можно спастись от ядерной атаки, на примере черепахи, защищающей себя своим панцирем.

то ли «Яд», то ли «Ордер на арест». Они сказали, что видели, как я играл в клубе «Pier 52.1». Я решил им не перезванивать. Как сказал Энди Уорхол: «У каждого есть пятнадцать минут славы». А я добавляю: «Лучше бы их не было вовсе».

Наконец-то объявление нашел Никки и позвонил. Мы немного поболтали и договорились о встрече. Я запихнул свою гитару и Marshall в крошечную «Мазду» моего кореша Стика и поехал в Северный Голливуд. Мы с Никки поздоровались, словно два незнакомца: у нас из головы вылетело, что мы виделись раньше. Он сменил имя, его черные как уголь волосы стали пышными и свисали ему на лицо. Я не смог бы его узнать, даже будь он моим родным отцом. Прошла еще неделя или две, прежде чем он спросил: «Эй, а не ты ли тот странный парень, который однажды зашел в алкогольный магазин и...» Я не мог в это поверить: пацан действительно повзрослел.

Никки сказал, что оставил свою прошлую группу London, потому что там каждый тянул одеяло на себя. Теперь он хотел взяться за свой проект и реализовать собственное видение. Я притворился, что согласен, но умом понимал, что он еще молод и в музыкальном плане наивен, так что мог направлять его так, как мне угодно. На той репетиции мы сыграли несколько песен, которые написал Никки, – «Stick to Your Guns», «Toast of the Town», «Public Enemy #1». У них в группе был один смазливый гитарист, имя которого я не буду называть. Первое, что я сказал, войдя в комнату: «Он не вывезет». Тогда ребята сказали, что я сам должен выгнать его, коли он мне не нравится. Это был мой первый день в группе, а они уже заставили меня делать грязную работу.

Там был еще один костлявый паренек с огромным волдырем на подбородке, который напоминал куриный наггетс. Он наплел мне какую-то историю, мол, накануне кто-то его толкнул, или он навернулся со ступенек ночного клуба «Gazzarri's» и разбил губу. Черт знает, что было не так с его лицом, но эта штуковина смахивала на второй подбородок. Пацан утверждал, что умеет играть на барабанах, хотя казался слишком молодым и тощим для хорошего музыканта. Но когда он начал играть, то оказался совсем не слабаком. Лупил он будь здоров. Его звали Томми.

И, если подумать, это вовсе не Никки нашел мое объявление в «The Recycler». Это был Томми. Он позвонил. Он оставил сообщение. Он все устроил. И, черт возьми, играл он как надо.

Часть третья

Местные знаменитости

Глава 1

ТОММИ

О красной ягоде, которая разожгла страсть в сердце юного романтика, о преимуществах женского общества и другие воспоминания из счастливого детства.

Чуваааак. О да! Наконец-то. Сколько можно говорить о Никки? Блядь. Этот чувак пытался упрятать собственную мамашу за решетку. Я люблю его, мы практически обручены на протяжении двадцати лет. Но порой его заносит куда-то не туда. Я не такой. Я безнадежный романтик. Мало кто догадывается об этой стороне. О других моих сторонах людям все хорошо известно, но они понятия не имеют, что у меня на сердце. Блин, херово это, чувак, но ничего, все путем. Все охренительно хорошо.

Моя судьба была предрешена, когда я впервые втюрился в одну клевую маленькую девочку, которая жила по соседству в Ковине. Я гонялся за ней повсюду. Я катался за ней на велосипеде и подглядывал в ее окна по ночам, как настоящий мелкий маньяк. Я мечтал лишь о том, чтобы поцеловать ее. Я видел, как целуются мама и папа, и это выглядело довольно круто. Я решил, что пришла пора и мне попробовать.

Я усвоил один жизненный урок: если долго гоняться за кем-то, то очень скоро этот кто-то начнет гоняться за тобой. Через некоторое время моя соседочка начала преследовать меня повсюду, и мы были без ума друг от друга. Однажды мы спрятались в укромном местечке в кустах, укрывшись от посторонних глаз. На кустиках росли маленькие ярко-красные ягоды. Они были цвета ее губ. Не думая, я сорвал ягоду с одного из кустов и зажал ее между нашими губами. Затем мы обхватили ягоду губами и поцеловались в первый раз. Это было так романтично и волшебно: я подумал, вот мы поцелуемся с этой красной ягодкой между нашими губами и, как по волшебству, в кого-нибудь превратимся. Она превратится в принцессу, а я стану рыцарем и увезу ее из Ковины на своем белом коне. Мы скакали бы галопом к моему

замку, а соседи смотрели бы на нас, гадая, кто эти прекрасные принц и принцесса. И мы жили бы долго и счастливо. Если только кто-нибудь не съест или не уничтожит волшебную ягоду. В таком случае мы бы вернулись в Ковину и снова стали бы двумя маленькими глупыми детьми. Так всегда было в моей жизни: на горизонте вечно маячила грозовая туча, готовая в любой момент пройти ливнем по всему хорошему.

Недавно я был у психоаналитика, и он сказал мне, что эту грозовую тучу я унаследовал от матери. У нее всегда все хорошее сопровождалось трагедией. Мою маму звали Вассиликки Пападимитриу, и в пятидесятых годах она носила титул «Мисс Греция». Мой отец Дэвид Ли Томас был армейским сержантом и сделал предложение моей маме в ту же чертову секунду, как только увидел ее. Они поженились через пять дней после знакомства, как и мы с Памелой почти сорок лет спустя. Он ни слова не понимал по-гречески, она совершенно не знала английский. Им приходилось рисовать друг другу картинки, или она писала что-то по-гречески, а мой отец пытался разобрать странные символы с помощью греко-английского словаря.

До меня она шесть раз пыталась завести ребенка: пять раз у нее случались выкидыши, а когда на шестой раз у нее наконец-то получилось, мой брат умер через несколько дней после рождения. По воле какого-то злого рока эти дети не должны были появиться на свет. Я не знаю, как у нее хватило мужества попробовать еще раз. Но, когда она забеременела в седьмой раз, она девять месяцев отказывалась даже вставать с постели, чтобы не случилось беды.

Сразу после моего рождения родители уехали из Афин и переселились в пригород Лос-Анджелеса под названием Ковина. Смена обстановки далась маме очень тяжело. Раньше она была крутой моделью, но после переезда в Америку ей пришлось зарабатывать на жизнь уборкой чужих домов, как гребаной служанке. Она всегда стыдилась своей работы. У нее не было ни семьи, ни друзей, ни денег, и она почти ни слова не понимала по-английски. Она очутилась в чужой стране с незнакомцем, который внезапно стал ее мужем. Она так сильно скучала по родине, что назвала мою младшую сестру Афиной.

Мой папа работал в дорожном департаменте округа Лос-Анджелес, чинил грузовики и тракторы для ремонта дорог. Мама всегда надеялась, что он начнет зарабатывать достаточно денег, чтобы она могла бросить свою работу и нанять домработницу, но увы и ах.

Психоаналитик сказал, что от мамы я унаследовал множество страхов, с которыми она жила в Америке, особенно когда я был еще маленьким. Она разговаривала со мной по-гречески, а я не мог понять ни слова. Я понятия не имел, почему мог понимать всех вокруг, кроме мамы. Подобные переживания, по словам аналитика, привели к постоянному страху и неуверенности, которые я испытываю во взрослой жизни.

Однажды я пришел на сеанс в рубашке с коротким рукавом, и при виде моих татуировок психоаналитик просто охренел. Я рассказал ему о родителях и о том, как они общались, когда я был ребенком. На следующем сеансе он сказал, что всю неделю думал о моей семье и пришел к выводу: «В раннем детстве вы наблюдали, как взрослые общаются с помощью картинок. Теперь вы используете эти татуировки как форму общения». Он отметил, что многие татуировки символизируют вещи, которые я хочу видеть в своей жизни, например карпы кои, которых я набил задолго до того, как у меня в доме появился пруд с карпами. У меня также есть татуировка леопарда, и в один прекрасный день я заведу черного леопарда. Я хочу возвращаться с гастролей и видеть, как этот котяра валяется на диване и вылизывает себе яйца.

Говорят, что невозможно предсказать свое будущее, что, мол, никто не знает, что уготовила для нас жизнь. Но я-то знаю, что все это чушь собачья. Дело не только в пророческих татуировках – все началось гораздо раньше. Я предсказал свое будущее в три года, когда разложил кастрюли и сковородки на полу в кухне и лупил по ним ложками и ножами, стараясь издавать громкие и красивые звуки. Мой кореш Джеральд говорит, что уже тогда я в глубине души знал, чем хочу заниматься. И в тот самый день, когда я начал гроыхать маминым кухонным хламом, я проявил свое желание. Но тогда я еще этого не понимал. Мне не хватало мозгов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.